

18+

Андрей Паркинский

Путь гангстера

*Кто не рискует, тот
не побеждает*

Андрей Таркинский

**Путь гангстера. Кто
не рискует, тот не побеждает**

«Издательские решения»

Таркинский А.

Путь гангстера. Кто не рискует, тот не побеждает /
А. Таркинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749545-9

1924 год. Америка. Расцвет сухого закона и организованной преступности. Гангстеров начинают по-настоящему бояться, а кто-то их даже презирает. Однако что движет этими людьми? Всегда ли целью преступника являются деньги? Каждый гангстер должен быть готов к последствиям. А они не всегда оказываются приятными. Способен ли преступник встретиться с ними лицом к лицу, будь он простым бандитом, членом банды или же рядовым мафиозной семьи? Порой статусы стираются, и приходится рассчитывать лишь на себя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749545-9

© Таркинский А.
© Издательские решения

Содержание

Нарушить Сухой закон	6
Против принципов	15
Семья, работа и месть	24
Я за него	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Путь гангстера
Кто не рискует, тот не побеждает
Андрей Таркинский

Кто не рискует, тот не побеждает

© Андрей Таркинский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нарушить Сухой закон

Квартира Бена Даумана; Бродвей

26 августа, 13:22.

– Он здесь.

Бен Дауман сидел и думал о сложившейся ситуации. Вроде бы дела перестали катиться под откос, но что-то подсказывало Бену, что так долго продолжаться не может. Авторитет и влияние итальянских эмигрантов растут с каждым днём, большая часть Нью-Йорка уже находится у них под контролем. Однако ирландские банды, которые царствовали в здесь чуть ли не сто лет, так просто сдаваться отнюдь не собирались. Но как бы ирландцы не пытались огрызаться, победа оставалась за итальянцами. Очень немногие ирландские лидеры могли вести дела хотя бы без серьёзных убытков. Значительное количество банд либо были истреблены, либо сами расформировались. Хотя некоторые ещё пытались как-то цепляться за бизнес, Дауман был одним из них. И отходить от дел он не торопился.

– Пусть войдёт.

Оставив раздумья на потом, Бен решил сосредоточиться на сегодняшнем дне. А он обещал быть очень даже прибыльным. По крайней мере, если всё пойдёт как надо. Дауман уже начал привыкать к неожиданным косякам, что ему не очень-то нравилось. Но рано или поздно такие времена должны были наступить. Власть имеет свойство переходить от одного человека к другому, и время ирландцев подходило к концу.

В первую очередь, разумеется, Бен решил, что на сегодняшнее дело пойдёт тот, кому он доверяет всецело. Но одного человека, пусть даже очень надёжного, посылать рискованно. Всегда нужен напарник, который постоит на стрёме или прикроет спину в случае чего. На роль надёжного человека Бен знал, кого взять. А вот со вторым пришлось основательно подумать. Ряды его банды постепенно редели, а случись что, лишиться сразу двух своих людей он очень не хотел. Выход нашёлся сам собой в лице одного молодого парня, который уже около двух-трёх месяцев подрабатывал у банды Даумана на побегушках. Он выполнял любую работу, и неплохо справлялся с трудностями. К тому же, парень был чистокровный ирландец, вроде как, не так давно переехал в штаты. Бену нужны были люди, но брать, кого попало, он бы не стал никогда. И вот сейчас представился случай устроить парню что-то типа вступительного экзамена, приставив к опытному человеку.

– Заходи, – произнёс Дауман. – Здравствуй, О'Коналл.

В дверь вошёл молодой парень, двадцати четырёх лет, русоволосый, чисто выбритый. Одет он был в синюю рубашку и светлые брюки. На щеке виднелся след от укола чем-то острым, но парень никогда не говорил, как получил этот шрам. Из-под одежды проглядывалась небольшая склонность к полноте.

– Добрый день, мистер Дауман, – произнёс парень.

– К чёрту формальности, Рэй, – раздражённо отмахнулся Бен. – Ни к чему они сейчас. Просто Бен, я не настолько старый.

Рэй О'Коналл немало удивился, услышав такое от босса. Ему ещё не приходилось получать указания лично от Бена, но самого босса банды он уже видел. По правде говоря, Дауман не приходился Рэю «боссом», хотя тот работал на него уже довольно продолжительный период времени. Рэй пытался доказать, что он может занять достойное место в этой ирландской банде, но случая, который предоставил бы возможность показать, на что он способен, не появлялся до сегодняшнего момента. Когда ему сообщили о том, что босс хочет с ним поговорить по поводу важного дела, Рэй, не раздумывая, согласился. Похоже, что месяцы мелких поручений начинали себя окупать. Но обращаться с боссом на «ты» и по имени О'Коналл пока не был готов.

– Вы хотели меня видеть? – спросил Рэй.

– Да, – после небольшой паузы ответил Бен, смотря в окно. – Сегодня мне должны доставить один прибыльный груз. И нужна пара надёжных человек, чтобы его доставить. Дальше объяснять?

Рэй не верил своим ушам. Вот он, тот шанс, которого он ждал последние два с лишним месяца. Настоящее дело, которое, возможно, будет его пропускным билетом в банду.

– Можете быть уверены, я вас не подведу, – спокойно и с уверенностью в голосе ответил Рэй.

– Рад это слышать, – сказал Бен и закурил сигарету.

В этот момент в комнату вошёл высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати, не больше. На нём были чёрная рубашка с накинута поверх неё кожанкой, джинсы и туфли (если Рэю не изменяла память, они назывались «Дерби» или как-то так). Прямолинейный взгляд давал понять, что этот человек ничего скрывать не будет перед своим боссом, однако Рэй был уверен, что в полицейском участке эта открытость будет активно приглушаться. Вопреки стереотипам об ирландцах, вошедший был брюнетом, а не рыжим. На лице выражалась серьёзность, что придавало большую уверенность надежде Рэя на то, что это дело, скорее всего, будет судьбоносным.

– Это то, о чём ты мне говорил? – вместо приветствия бросил вошедший.

– Да, – коротко ответил Бен. – Парень пойдёт с тобой.

Бен с наслаждением выпустил дым изо рта в открытое окно и обратился к Рэю:

– Ты уже знаком с Теренсом?

– Да, пересекались пару раз.

– Ну и отлично. Выполняйте. И, Теренс, – многозначительно добавил Бен, заставив Теренса остановиться на полуобороте. – Отчитываться будешь лично передо мной. Не облажайся, как полгода назад. Когда закончите, езжайте в бар «Ирландия», я буду там. Если что, бармен скажет, где меня искать.

– Хорошо, – стиснув зубы, ответил Теренс и отправился прочь из комнаты. Рэй тут же последовал за ним.

Выйдя на освещённую людную улицу, Теренс направился к стоящему неподалёку «кадиллаку». По всей видимости, настрой у него был сильно подпорчен. Рэю стало интересно, чем же Теренс провинился перед боссом, но спрашивать об этом он не хотел. В конце концов, это не его дело. Но ясно было одно, Бен очень ценил этого человека. По крайней мере, по мнению О'Коналла, людей, которые не оправдывали возложенных надежд, долго в банде не держали. И это в лучшем случае. В худшем виновников просто пристрелили бы осторожности ради.

– Водить умеешь? – спросил Теренс, подойдя к автомобилю.

– Ага, – коротко ответил Рэй.

– Тогда садись за руль, – с этими словами Теренс кинул ключи от машины Рэю.

Тот поймал ключи на лету и сел на место водителя. Водить машины ему было не в первой, а потому каких-либо проблем с этим Рэй не испытывал. Какое-то время он занимался автоугоном, что дало ему лишнюю практику и сноровку.

– Куда едем? – спросил Рэй, заведя мотор.

– В порт гони, на двенадцатое авеню, – ответил Теренс и принялся внимательно смотреть в окно.

В течение следующих пятнадцати минут оба ирландца не произнесли ни слова. Рэя это более чем устраивало, он не любил отвлекаться, ведя машину. Но в то же время его так и подмывало спросить, на какое дело он подписался. Рэй всё же решил нарушить тишину:

– Так что за хрень беспокоит Даумана?

Теренс вместо ответа удивлённо посмотрел на собеседника.

– Ну, он какой-то не такой был, – пояснил О'Коналл.

– Разве ты раньше пересекался с Дауманом? – попытался изобразить удивление Теренс, однако у него это плохо получилось.

– Нет, но..., – Рэй замялся на короткое время, но так и не нашёлся что ответить.

– Как же ты определил, что он какой-то не такой, если даже не встречался с ним? – Теренс потянулся в карман за сигаретой.

– Короче, я ожидал другого, – отмахнулся Рэй.

– А чего ты ожидал? – не унимался Теренс, щёлкнул зажигалкой и закурил.

– Да хрен его знает. Дай сигаретку, – попросил О'Коналл.

Теренс протянул пачку собеседнику и дал прикурить. Рэй с наслаждением затянулся. Старая добрая сигарета всегда помогала в стрессовых ситуациях. Однако в этот раз даже она не сильно подняла настрой – Рэй всё так же немного нервничал.

– На кой мы едем в порт? – спросил О'Коналл, выпуская очередную порцию дыма в окно.

– Забрать товар, за который Дауман немалые бабки угрохал, – ответил Теренс и тоже затянулся.

– И для такого дела нужны два человека?

– Нет, но в последнее время слишком много наших подышают от того, что не перестраховались.

Дальше объяснять не требовалось, Рэй сам додумал, что посылать одного человека рискованно, пусть даже дело было пустяковым. Сам О'Коналл ещё ни разу не попадал в такие ситуации, да и, честно говоря, не горел желанием попасть. Но он также понимал и то, что рано или поздно ему придётся рисковать своей жизнью, если он хочет заработать настоящие деньги.

– Да и, кстати, Дауман тебя заприметил ещё когда ты того нигера-должника отметелил, – добавил Теренс после небольшой паузы.

Рэй прекрасно помнил тот случай. Тогда он уже заработал некоторую репутацию, выполняя мелкие поручения, и поставил перед собой твёрдую цель – вступить в ряды банды Бена Даумана. Это была первая серьёзная работа. Заметив в парне потенциал, Бен поручил ему забрать долги у нескольких человек, сразу предупредив, что один из них может отказаться платить. Так и вышло, афроамериканец, живший в Гарлеме, отказался возвращать долг. На это заявление Рэй ответил вежливым напоминанием о том, что такое долг и почему его надо вернуть. Так вышло, что во время объяснения пришлось вступить в драку, в ходе которой Рэй чуть-чуть не рассчитал силу и чересчур усердно ударил оппонента головой об стену. После такого, весьма грубого, разговора афроамериканец всё-таки вернул деньги, пусть и против своей воли.

– Этот ублюдок получил то, что заслуживал, – равнодушно сказал Рэй.

– Тебя никто и не осуждает, – с этими словами Теренс выкинул окурки в окно.

На подъезде к порту Теренс нарушил длительное молчание:

– С оружием обращаться умеешь?

– Ну да, – после секундного замешательства ответил Рэй.

– Тогда держи.

С этими словами Теренс протянул напарнику «Кольт Нью Сервис».

– Всё настолько серьёзно? – недоуменно спросил Рэй, взяв револьвер в руку.

Оружие удобно расположилось в ладони, и вместе с этим Рэй почувствовал некоторый прилив уверенности. Пропало ощущение незащищённости, но в то же время несколько усилился страх. Не просто же так Теренс дал револьвер, наверняка люди, с которыми им предстоит вести дело, тоже вооружены.

– Осторожность не повредит, – сам Теренс взял в руки «Кольт 1911» и передёрнул затвор. – И ещё кое-что. Надень куртку или пиджак какой-нибудь. У тебя ж разрешения на оружие нет, а расхаживать по улице со стволом тебе ни один коп не позволит.

– А сейчас-то мне его куда? – спросил Рэй, откидывая барабан и проверяя наличие патронов.

Теренс ненадолго задумался. На такой поворот он явно не рассчитывал. Хотя это было не ахти какой проблемой, но всё-таки тратить лишние деньги на взятку полицейским ни капли не хотелось. Решение нашлось само собой.

– Возьми мою, – он протянул куртку Рэю. – Хотя ты и будешь выглядеть слегка нелепо, зато пушку видно не будет.

– А ты как же?

– А у меня разрешение есть.

Несмотря на равнодушный тон, О'Коналл почему-то был уверен, что разрешение Теренса было липовым. Рэй засунул револьвер назад за пояс, вышел из машины и накинул куртку. Когда Теренс вышел из машины, то на его лице присутствовало удивление.

– Смотри-ка, а это интересно, – произнёс он. – Не так дерьмово смотрится, как я думал.

Тем временем Теренс вешал наплечную кобуру и пристраивал там пистолет. Потом залез в бардачок, достал оттуда какую-то бумагу и положил её в нагрудный карман. Бросив многозначительный взгляд на Рэя, Теренс направился к складу. Рэй последовал за ним. Перспектива использования револьвера заставляла сердце биться чаще. Рэй ни разу ни в кого не стрелял и никого не убивал. Тяжёлые случаи были, конечно, взять хотя бы ту же стычку с нигером. Но чтобы насмерть – никогда.

Теренс подозревал, что его временный напарник пока не принимал участия в серьёзных мероприятиях. Но когда-то надо начинать, если парень действительно хочет связать с этим свою жизнь. Дальше будет ещё круче, а вот вверх или вниз, это уже зависит только от него самого. Однако учитывая нынешнее положение дел, вниз катиться уже некуда – разве что, в ад.

На складе их ждал человек приятной наружности в дорогом костюме. Теренс направлялся прямо к нему. Рэй шёл за ним, оглядываясь по сторонам. Кроме человека в костюме на складе было достаточно много народу. Все они были рабочими этого порта. И у каждого во взгляде читалась максимальная ненависть к этой работе. Хотя, может быть, не к работе, а к начальству. Их нельзя было винить, обычно работодатели в подобных заведениях не упускают случая показать свою власть и поиздеваться над подчинёнными.

– Здравствуйте, джентльмены, – приветствовал ирландцев человек в костюме. Рэй заметил, знакомые отголоски родной речи. Стало быть, этот человек тоже эмигрант из Ирландии. В какой-то момент Рэй решил, что это свои и оружие даже доставать не придётся (в глубине души он очень сильно на это надеялся).

– И тебе не хворать, – отозвался Теренс. – Товар у тебя?

– Разумеется, – ответил ирландец. – Подгоняй тачку и загрузим.

Теренс сделал знак Рэю, и тот пошёл за машиной. Подогнав её, Рэй увидел, что на земле рядом с Теренсом стоят три ящика, а из дальнего угла шли ещё два человека, в чьих руках тоже было по ящику. Ирландец что-то сказал рабочим и они стали загружать машину. Теренс же поманил Рэя и стал о чём-то беседовать с ирландцем. Спустя несколько минут рабочие закончили с ящиками, и ирландцы отправились к машине. Перед отъездом Теренс решил заглянуть в багажник.

– Не понял, – сказал он и вновь пошёл по направлению к ирландцу. Рэй почуял что-то неладное. Уж очень враждебным тоном говорил Теренс, который обычно худо-бедно, но сохранял спокойствие в любой ситуации. Рэй не отставал от напарника, его рука тем временем сама потянулась поближе к оружию.

– Эй, Джонни, что за хрень? – своим голосом Теренс чётко показывал, что шутить – не намерен. – Какого чёрта одного ящика не хватает?

Джонни сделал удивлённое лицо, как будто поведение собеседника было неприемлемым.

– А что не так Терри? – невозмутимо спокойным и изумлённым голосом спросил он в ответ.

– Доставить должны были шесть ящиков, а вы загрузили только пять, – пока Теренсу кое-как удавалось сдерживать свой гнев, но Рэй чувствовал, что недолго его собеседнику осталось улыбаться.

– Это же плата за использование порта, – спокойно проговорил ирландец. – Уж вы-то должны это знать.

– Ни хрена подобного, Дауман тебе бабки платит за то, что ты следишь и контролируешь работу порта.

– Дауман мне больше НИЧЕГО не платит.

– Так, а вот это уже интересно, – Теренс уже буквально выщипывал слова. – И кому же ты теперь вылизываешь задницу?

– Я бы не советовал тебе говорить таким тоном в адрес дона Кампанеллы.

В этот момент душа Рэя ушла в пятки. Если Джонни упомянул одного из итальянских донов, то нет сомнений – тут замешана Коза Ностра, или как там называлась преступная организация итальянских эмигрантов. А с Коза Нострой играть опасно. Рэй, конечно, не боялся пары итальянцев, как и Теренс, наверняка, но проблема была в том, что у «макаронников» очень влиятельные друзья. Были слухи, что даже несколько окружных прокуроров ходят под ними. Признаться, О'Коналл сомневался, что даже без этого прикрытия со стороны закона, с итальянцами можно было бы ссориться, потому что ирландцы уже давно значительно проигрывают «макаронникам». Считанные единицы могли продолжать хоть как-то вести дела, вроде Бена Даумана.

И вот сейчас нарастающий конфликт мог обернуться большими неприятностями. Рэй понимал Теренса: предательство никогда не было в чести, кроме того, терять прибыль было категорически противопоказано. Также росла ненависть О'Коналла к итальянцам – они всё продолжали вытеснять ирландцев с их территории, и что-то ему подсказывало, что совсем скоро «макаронники» перейдут от диверсионных действий непосредственно к боевым. Рэю очень не хотелось вести войну с итальянцами. Не сказать, что у него хорошие отношения с ними, но хотя бы врагами они пока не считались.

Однако Теренс, похоже, решил, что терять уже нечего, раз так открыто наезжал на Джонни, до сих пор сохранявшего удивлённую мину. Ирландца это очень бесило.

– Босс решил, что теперь вы должны платить ему, – с той же наглой рожей проговорил Джонни. – И поверь мне, это довольно скромная плата за пользование портом.

– Слишком много макаронники о себе возомнили. Отдавай ящик!

– Ага, бегу и падаю, – голос Джонни уже не звучал так спокойно. В нём слышались нотки угрозы. – А что будет, если не отдам?

– А я постараюсь тебя переубедить, – с нескрываемой злостью произнёс Теренс, достал пистолет из кобуры и направил его на ирландца.

Рэй увидел краем глаза второго человека в костюме (наверняка итальянец, судя по смугловатой коже), который потянулся за пазуху. Решив, что вряд ли второй лезет за носовым платком, Рэй быстро достал свой «Кольт» и направил на него. Человек в костюме, который, наверное, был напарником Джонни, замедлил движение.

– Ты что, совсем страх потерял, Теренс? – Джонни хорошо владел собой, не выдавая своего испуга. В том, что он боялся, ни Рэй, ни Теренс не сомневались. – Захотел в большую игру поиграть? Показать всем, какой ты крутой? Показать, что ирландцы не подчиняются никому? Да ни фига ты не докажешь. Ни ты, ни твой пёс, – он кивнул в сторону Рэя. – От нас осталась лишь жалкая кучка. Прошло наше время, Терри. Хоть раз в жизни поступи по уму. Надо уметь выбирать правильную сторону.

– Пасть заткни и отдавай ящик, – Теренс уже не вышеживал слова. Он говорил ледяным тоном, доказывающий решительность ирландца. В довесок он щёлкнул предохранителем, с которого забыл снять оружие. А может намеренно не снимал, чтобы попугать побольше.

– Да пошёл ты, шавка грёбаная, – с максимальной ненавистью произнёс Джонни.

Теренс не стал больше терпеть и нажал на курок. Звук выстрела наверняка было последнее, что слышал в своей жизни Джонни. Грохот ещё отражался от стен, когда ирландец рухнул на пол с аккуратной дыркой в голове. Его напарник решил больше не церемониться с выходцами из Ирландии и достал маленький револьвер тридцать восьмого калибра. Рэй не стал ждать, пока противник пустит в ход оружие, и выстрелил первым. Из-за не взведённого курка траектория пули немного отклонилась, но всё-таки задела итальянца, попав в правую часть груди. Враг уже корчился на полу от боли, а О'Коналл всё ещё стоял с револьвером в вытянутых руках. Требование Теренса, чтобы рабочие показали ему, где находится недостающий ящик, слышалось, будто в тумане. Рэй подозревал, что это будет нелегко. Ему было трудно дышать. Кольт, зажатый в руках, заметно потяжелел. Рэй не знал, сколько он так простоял, как вдруг до него дошло, что его кто-то зовёт.

– Эй, ты чего застыл? – громко, и, вероятно, не в первый раз, спрашивал Теренс. – О'Коналл! Отомри уже!

Рэй помотал головой, приходя в себя, но внезапно появилось лёгкое головокружение. Теренс максимально доходчиво объяснил, что уже нашёл ящик, погрузил в машину, а сейчас настало время уносить ноги. Рэй со всей возможной скоростью взял курс к «кадиллаку». Видя состояние парня, Теренс зло плюнул, сам сел за руль и завёл мотор. Спустя минуту ирландцы уже катили к Дауману.

– Ну как, отошёл? – поинтересовался Теренс, доставая пачку сигарет.

– Вроде бы, – сдавленным голосом произнёс Рэй.

– Впервые убиваешь, да? – вновь спросил Теренс, зажал губами сигарету, прикурил и убрал зажигалку. Рэй кивнул. – Первый раз всегда самый трудный. Потом полегче будет. Если, конечно, не решишь соскочить, – Теренс искоса посмотрел на напарника.

Рэй уже пришёл в себя. Не сказать, что убивать ему понравилось, но и отвращения особого не было, так что...

– Нет, не решу, – ответил, наконец, Рэй.

– Молодца, – похвалил его напарник. – Из тебя может что-то выйти. Импровизировать ты вроде умеешь, да и реакция на убийство у тебя довольно стойкая.

– Разве? – скептически спросил Рэй. Он полагал, что вообще не справился с собой.

– Ага, – Теренс затаился и выпустил струю дыма в окно. – Верится с трудом, знаю, но я видел ребят, которые наблевали на труп сразу после убийства. И это, кстати говоря, не самое худшее.

– Охренеть, просто.

– Расслабься. Я тебе говорю, трудно только в первый раз. Да, кстати.

Теренс начал шарить в кармане, пока не вытащил оттуда пачку денег.

– Держи, заработал, – он отделил ровно половину и протянул Рэю.

Тот взял деньги, не веря глазам. До этого он ещё никогда столько не получал.

– Ого, так много, – только и смог сказать он.

– Ну, если для тебя полтора косаря много, то пересмотри свои расценки, – тем же тоном проговорил Теренс. – Хотя за простую доставку это действительно прилично. Но эта доставка далась нам не так легко, как планировалось, поэтому деньги заслужены. Вот только боюсь, что теперь нам придётся выбираться из очень глубокой ямы.

– В смысле? – насторожился Рэй, теряя радость от полученных денег.

– Вляпались мы с тобой, – объяснил Теренс, выкидывая недокуренную сигарету в окно, – а вместе с нами и все ирландцы. Ты думаешь то, что мы застрелили итальянца, останется незамеченным?

– Но как они узнают, что это сделали мы?

– Я сомневаюсь, что работники скроют наше присутствие, а то, что мы ирландцы они слышали неоднократно. После этого круг существенно сузится, потому что сейчас мало ирландских банд, которые остаются на плаву, сам же знаешь. Макаронники быстро выйдут на нас, в этом можешь не сомневаться.

Рэю стало по-настоящему страшно. Как бы сильно сегодня он не возненавидел итальянцев, иметь дело со всей Коза Нострой не хотелось никоим образом. Мало того, что итальянцев гораздо больше, так они и в мастерстве стрельбы не уступают, а иногда, чего греха таить, и превосходят ирландцев. Нет, эта война будет заранее проиграна. Это ещё в случае, если Дауман вступится за него. Хотя Теренса Бен наверняка прикроет, но трудно быть уверенным на все сто.

– И что же нам делать? – с нескрываемым ужасом спросил Рэй.

– Выбора у нас особого нет, скорее всего, придётся разговаривать с человеком Кампанеллы. Или с людьми, тут уж как карта ляжет. Но это только в лучшем случае. Хер его знает, что станут делать итальяшки.

– Так просто?

– Нет, конечно. Говорю же, переговоры будут только в лучшем случае. Итальяшки – скользкие гады. Но их боссы обычно чтят законы «чести», – Теренс скептически выделил голосом последнее слово. – Придём, поговорим, объясним ситуацию, приложим все усилия, чтобы решить вопрос мирно. Не уверен, что они нас не пристрелят при первой же возможности, но опять же, выбора у нас нет. Может, хоть, малой кровью отделаемся.

Рэю такая перспектива не очень понравилась.

– А как мы вообще узнаем, где и когда нам надо будет с ними говорить?

– Не волнуйся, с этим проблем не будет.

Это О'Коналла не успокоило. Впервые в жизни его вклад в порученное дело был весомым, пусть даже отношение Теренса к нему ничуть не изменилось. И этот поступок Рэя привёл к достаточно острой ситуации. Конечно, виноват, по сути, был не он, но соучастие было полноценным. Чуть-чуть разбавляло страх то обстоятельство, что Теренс не сваливает вину, хотя было бы гораздо проще сказать, что виноват человек, который не относится к его банде. Но нет, Теренс даже деньги поровну разделил. И тут Рэю в голову пришёл вопрос, который волновал его ещё по дороге в порт. Решив, что сейчас самое время спросить, Рэй посмотрел на Теренса.

– Слушай, а что в ящиках?

– Я уж думал, ты не спросишь, – усмехнулся тот. – Там шесть ящиков отборнейшего вискаря.

– Оу...

– А что? Времена нынче такие, приходится рисковать шкурой за выпивку.

Бар «Ирландия»; 163 стрит

26 августа, 15:03

– Ну, как всё прошло?

Рэй и Теренс уже сидели в баре «Ирландия» напротив Бена. Добрались они без приключений, что не могло не радовать. Событий на сегодня хватало с лихвой.

– Честно говоря, херово, – не стал юлить Теренс. Рэй предпочёл молчать, предоставив право говорить напарнику.

– Что опять? – Дауман явно не был настроен на плохие новости.

– Да всё эти грёбанные итальянцы. Хотели один ящик умыкнуть, сволочи.

– Чего? – Бен мигом переменялся в лице. – Какого хрена? Этот порт наш, с какой радости они там хозяйничают?

– Я сам ни фига не понял. Похоже, эта крыса Джонни под макаронниками ходил. Наверняка сдал им всё, что было. Ему же «бабочку»¹ покажи, он уже штаны обмочит и ботинки вылизывать будет.

– Ты сказал, Джонни «ходил» под макаронниками?

– Да, я прибил ублюдка. Там был ещё второй – он на совести О’Коналла.

Бен внимательно посмотрел на Рэя. Тот был немного взволнован, но не подавал вида. Парень оказался готов к неожиданным трудностям, и это лишь добавило очко в его пользу в глазах лидера банды.

– Ну что ж, хрен с ним, – произнёс Дауман, прекратив смотреть на Рэя приятно удивлёнными глазами. – Я не особо одобряю такой подход, но с «макаронниками» по-другому нельзя. Грубо, но эффективно. Только так.

– Что теперь, Бен? – подал голос Теренс. – Итальяшки этого так не оставят.

– Это да. Если они узнают, от кого вы, то нам хана.

– Я вот что думаю, – произнёс Теренс и достал сигарету из пачки. – Нам лучше бы особо не светиться пока и держать пушки наготове. Не нравится мне вся эта ситуация.

Он протянул пачку Бену. Тот вытащил сигарету и тоже закурил. Несмотря на открытую форточку, запах дыма в баре никуда не девался. Рэю сигарету никто не предложил, поэтому ему приходилось дышать дымом, который выпускали собеседники. С каждой затяжкой Бен злился всё меньше.

– Да, наверное, это лучший вариант, – согласился Бен и вновь посмотрел на Рэя. – Знаешь, парень, а ты хорош. Я думаю, что нашей банде как раз пригодился бы такой...

– Бен! – резко произнёс Теренс и достал пистолет.

За окном бара появилось три чёрные машины. Рэй сразу понял, что это не друзья и тотчас выхватил револьвер, данный напарником. Бен среагировал на крик Теренса моментально и мигом отошёл в сторону барной стойки. Из машины тем временем быстро выходили люди в дорогих костюмах и шляпах. У каждого в руках было оружие. Первый выстрел из помпового ружья и напроць разбил стекло в лицевом окне, задев нескольких посетителей бара. Мгновением позже к нему присоединился град пуль из пистолетов и револьверов.

Рэй встал за выступ в стене и не смел высовываться. Страх сковал его тело, не позволяя совершать ни единого движения. К тому же его пять патронов вряд ли смогли бы хоть как-то помочь делу. А вот Теренс не боялся тратить свой боезапас, пальнув три раза в ответ. Бен тем временем укрылся за барной стойкой и тоже достал пистолет.

Спустя секунд двадцать, когда в баре если и были живые посетители, то они предпочли притвориться мёртвыми, итальянцы прекратили стрельбу. Рэй всё ещё стоял за выступом, когда Теренс махнул рукой, привлекая его внимание. Рэй, наконец, вышел из оцепенения и посмотрел на напарника. Тот жестами объяснил, что попытается вывести Бена из бара. Рэй кивнул и взвёл курок на Кольте.

Резко сорвавшись с места, Теренс в два прыжка пересёк весь бар и оказался возле барной стойки. Рэй отважился слегка выглянуть из-за своего укрытия, наставив ствол в окно. Почти все итальянцы уже залезли в свои машины, но трое всё-таки заметили в баре какое-то движение. Рэй быстро прицелился и спустил курок. Громкий звук выстрела ударил по барабанным перепонкам, револьвер привычно дёрнулся в руке, но пуля полетела точно по адресу, проды-

¹ Балисбнг, нож-бабочка – складной нож с клинком, скрываемым в сложенном положении в рукояти, образованной двумя продольными половинками с П-образным сечением, шарнирно соединёнными с хвостовиком клинка. Рассчитан на инерционное открывание.

рявив одному из итальянцев правую часть живота. Не дожидаясь ответного огня, Рэй пальнул ещё, на сей раз не так прицельно, и сразу же в третий раз. Последние две пули пролетели мимо, но Рэю нужно было лишь прикрыть, что он, собственно и делал.

– О’Коналл, – услышал Рэй крик Теренса, когда уже снова укрылся за выступом в стене. – Давай бегом сюда, прикрою!

Поняв, что такие вещи два раза не предлагают, Рэй решил подчиниться и со всей возможной скоростью бросился к двери около барной стойки. Теренс потратил весь магазин, выигрывая время для Рэя, а когда достал из кармана запасной и вогнал в пистолет, со стороны входа вновь полетел град свинца, увеличивая количество дыр в обоях и образуя рикошеты во все стороны. К тому времени Рэй уже выбежал из чёрного хода на улицу, где ждал своих людей Дауман.

– Вот ведь сучьи дети, – выругался Бен, осматривая двор. – Сначала порт отобрали, а теперь ещё и бар мой разгромили. Ублюдки.

– Их там человек восемь, наверное, – сообщил Теренс, выбегая вслед за Рэем. – Валить надо, не потянем.

– Ясное дело, что не потянем, – проворчал Дауман. – Надо найти тачку.

– Вон стоит, – сказал Рэй, указывая на «бьюик», припаркованный в конце переулка у тротуара.

Никто больше ничего не говорил. Ирландцы быстро преодолели расстояние, отделяющее их от машины. Теренс разбил стекло ударом рукоятки пистолета и открыл дверь. Ещё некоторое время ушло на остальные двери и на заведение машины без ключа. Спустя несколько минут, они уже катили по дороге подальше от разгромленного бара.

– Ненавижу макаронников, – с лютой злобой произнёс Бен, убирая пистолет. – Клянусь, я отобью у них этот порт, во что бы то ни стало – по фигу, сколько засранцев мне придётся грохнуть.

– Расслабься, – посоветовал ему Теренс. – Сейчас мы не в лучшем состоянии. Да и итальянцы на нас зуб уже огромный наточили.

– Да пусть хоть всю пасть выточат, им это с рук не сойдёт.

Дауман достал сигарету и закурил. Во время этого диалога Рэй смотрел на дорогу в лобовое стекло и старался переварить всё, что произошло с ним сегодня. Он участвовал в деле по доставке алкоголя, его дважды чуть не убили, и, наконец, он получил полторы тысячи баксов. Столько событий с ним, наверное, за целый месяц не происходило. Никогда он ещё не испытывал столько адреналина. Кроме того, он убил двух человек. В общих чертах, за сегодняшний день он прибавил к своему возможному тюремному сроку ещё лет двадцать.

– Бен, я думаю, ты должен кое-что сказать нашему другу, – сказал Теренс, глядя на босса через зеркало заднего вида.

– Ах, да, точно, – спохватился Дауман. – Добро пожаловать.

Почему-то бандиты, преимущественно лидеры, никогда не называют свою шайку «бандой», за исключением ирландцев. Но сейчас это Рэя мало беспокоило. Его голову теперь занимала радостная мысль, которая перекрыла все проблемы, пришедшие сегодня. Отныне он считался членом банды, и Рэй был уверен, что теперь дела его точно пойдут в гору.

Против принципов

Бар «Лайк ин Итали»; Мэдиссон-Авеню

13 сентября, 10:44

Обычно в субботнее утро народу в барах почти не бывает. Большинство отсыпается после рабочей недели или же после славной пятничной пьянки. Однако же в баре «Лайк ин Итали» посетителей было больше, чем обычно. Сейчас, конечно, его трудно было назвать «баром», потому что из-за сухого закона все спиртные напитки исчезли из меню этого заведения. Но те, кто посещал его не один год до введения сухого закона, по старой памяти называли его «баром». Персонал «Лайк ин Итали» не очень любил такие дни; все хотели получать деньги, но при этом работать по минимуму. Но ни у кого не оставалось иного варианта, кроме как натянуть на лица правдоподобные улыбки и начать обслуживать клиентов. Официантки с деланной радостью принимали заказы, а бармен разливал напитки. Безалкогольные, разумеется.

Несмотря на название заведения, которое предполагало некую связь с Италией, посетителями бара были в большинстве своём прямыми противниками итальянцев – ирландцами. Некоторых завсегдатаев это очень озадачивало, они много раз пытались узнать, почему же ирландские эмигранты стали ежедневно посещать итальянский бар, однако ни бармен, ни официантки никогда не давали чёткого ответа на этот вопрос. Кое-кто делал смелое предположение, что ирландцы отбили этот бар у итальянцев, в то время это было далеко не редкость, кто-то не соглашался с этим, потому что итальянцы никогда просто так не отдавали то, что принадлежит им, пусть даже ради этого им пришлось бы убить десяток человек. Но, так или иначе, факт оставался фактом, итальянцев здесь больше не наблюдалось, по крайней мере, среди посетителей.

Разумеется, работники бара знали истинный ответ на волнующий всех вопрос, но распространяться об этом не хотелось никому. Больше всего вопросов доставалось бармену, потому что некоторые посетители знали о криминальных страничках его прошлого. Люди были уверены, что у него остались связи с преступным миром, хотя сам бармен тщательно это скрывал. Было всего несколько человек, с которыми он мог об этом говорить свободно, и один из них только что переступил порог бара.

Это был высокий, черноволосый, худощавый парень в тёмных штанах и зелёной рубашке со слегка закатанными рукавами. Он не стал садиться за столик, а сразу взял курс к барной стойке. Его надменная ухмылка и несколько удивлённые глаза заставили некоторых ирландцев бросить недружелюбный взгляд в его сторону, однако его это вовсе не волновало. Он давно привык, что ирландцы нормально общаются только друг с другом.

– Привет, Лекс, – сказал парень с сильным французским акцентом и сел на стул.

– И ты не хворай, Джон, – ответил бармен. – Работал, я смотрю, – бармен взглядом указал на рукава.

– Да так, с тачкой повозился немного, – Джон осмотрелся и вновь заметил на себе взгляды посетителей.

По правде говоря, француза это уже начинало напрягать. Он не очень хорошо относился к ирландцам, но ссориться с ними на ровном месте ему никак не хотелось. Не хватало ещё потом от них скрываться полгода. Так или иначе, Джон не собирался наживать себе новых врагов до тех пор, пока не разберётся со старыми.

– Ну, рассказывай, давай, с месяц уже ведь не виделись, – Лекс налил себе и собеседнику по стакану пива.

Такой поступок немало удивил француза.

– Ого, да ты опасный парень, – усмехнулся Джон. – Давно ли этот бар стал «спикизи»²?
– С тех пор, как он перестал принадлежать итальянцам.
– По ходу, пока я прохлаждался, вы тут не скучали, – француз поднял стакан, они с барменом чокнулись и выпили часть напитка.
– Долгая история, – отмахнулся Лекс. – Расскажи лучше, где ты пропадал?
– Говорю же, прохлаждался, – ответил Джон, отхлебнув ещё пива. – А если серьёзно, то просто на дно залёг.
– Зачем?
– Имел глупость поучаствовать в одном не самом удачном предприятии Голландца Шульца.

Говоря об этом, лицо Джона приняло какой-то отрешённый вид. Бармен усомнился в его словах. Француз никогда не принимал участия в сомнительных делах. Кроме того, Шульц – человек небезызвестный. Трудно поверить в то, что его предприятие может оказаться неудачным. Однако Лекс решил, что это не его дело. Если Джон что-то скрывает, значит, на то есть причины. Но в одном сомневаться не приходилось: гангстер по имени Голландец Шульц надолго засел в списке его врагов.

– Ни фиги себе, ты работал с Голландцем? – удивился Лекс. – Видимо он высокого мнения о тебе, если позволил работать с собой. Пусть даже и в неудачном деле.

– Да пошёл нахрен этот Шульц, – зло сказал Джон и полез в карман за сигаретой. – Богатый сукин сын, а платит гроши. Я думал, что я просто мелкая сошка в его глазах, так нет ведь, этот ублюдок всем своим людям почти ничего не платит. Нет уж, с меня хватит. Я больше получал, когда проституток развозил.

Француз, наконец, достал пачку лёгких сигарет, вытащил одну и уже хотел было закурить, но вдруг резко себя остановил.

– Ах да, здесь же нельзя, – сказал он, но Лекс успокаивающе поднял руку.

– Уже можно. Новые хозяева, новые порядки. Дай-ка мне тоже.

Джон протянул пачку бармену, достал спички, чиркнул одной из них и в следующую секунду оба уже вовсю выпускали изо рта дым.

– Как ты такое дерьмо куришь? – поморщившись, спросил Лекс, не прекращая дымить сигаретой.

– Пошёл ты, – ответил Джон. Никто не мог оставить без внимания то, что он курит женские сигареты, но он давно привык к колкостям по этому поводу. – Скажи лучше, с каких это пор здесь всем заправляют трилистники?

Несколько ирландцев вновь недовольно покосились на французa. Все они, в целом, нейтрально реагировали на своё прозвище, благо оно не было обидным. Однако интонация, с которой Джон это сказал, ирландцам пришлась не по вкусу.

– В курсе недавних разборок между ирландцами и макаронниками? – спросил Лекс, намеренно не называя новых владельцев бара по прозвищу.

– Вскользь, – проговорил Джон, краем глаза наблюдая за ирландцами. – Вроде как итальяшки отбили у ирландцев порт, а те в отместку убили двоих людей из того порта, потом пошло-поехало.

– Ну, почти. Итальянцы взяли плату за использование порта, а ирландцы послали их нахрен и с помощью стволов вернули товар, который итальянцы отобрали..., – Лекс на мгновение замаялся. – Вроде это был ящик бухла.

– А, ну если за бухло, тогда ладно, – понимающе кивнул Джон. – Ящик бухла сейчас на вес золота. Только ты так и не сказал, с какой радости здесь теперь ирландцы хозяйничают?

² Спикизы – нелегальные питейные заведения или клубы, в которых подавались крепкие алкогольные напитки во времена сухого закона (1920—1933) в США.

– Макаронники разгромили ирландский бар с очень оригинальным названием – «Ирландия», – хмыкнул Лекс в ответ. – А ирландцы в ответ с боем взяли этот бар.

– Если с боем, то почему следов не видно?

– Большую часть замаскировали, поломанную мебель заменили буквально через пару дней.

– А название-то почему оставили?

– Да хрен его знает, это уже не ко мне вопрос.

Как только Лекс закончил говорить, дверь бара открылась, и внутрь вошли три человека. Один отправился куда-то в дальний угол, видимо, к знакомым, остальные двое шли напрямик к барной стойке. Джона это почему-то немного встревожило, однако вида он не подал. Только смерил каждого из подошедших вопрошающим взглядом.

– Виски налей, – вместо приветствия бросил один из ирландцев. На вид он был старше второго. Носил он кожаную куртку поверх чёрной рубашки, тёмные брюки и туфли. Если бы его прямолинейный взгляд был направлен на Джона, то француз почувствовал бы себя не очень уютно. Он явно был чем-то недоволен, а в такие моменты людей лучше не тревожить. А вот Лекс абсолютно не боялся его взгляда, даже глазом не моргнул.

– И тебе доброго утра, Теренс, – спокойно ответил бармен, доставая стакан.

– Моё почтение, – вставил словцо Джон. Он решил, что тоже имеет право участвовать в разговоре.

Теренс повернул голову в его направлении и мельком осмотрел с головы до ног. Что-то сразу не понравилось ему в облике француза. Джон это понял по взгляду, который стал ещё более недовольным. К тому же, во взгляде ирландца прослеживалось что-то вроде отвращения, что в свою очередь не понравилось французам.

– Мы не знакомы, так ведь? – спросил ирландец.

– Теренс, это Джон Фонтейн, мой добрый знакомый и, не побоюсь этого слова, друг, – ответил за француза Лекс. – Джонни, это Теренс Смит – новый владелец этого бара. А рядом с ним – Рэй О'Коналл, вновь прибывший в банду Бена Даумана.

– Очень приятно, господа, – сказал Джон нарочито вежливым голосом. Ухмылка не сходила с его лица на протяжении всего разговора.

Неожиданно для себя он встретился глазами с Рэем.

– Джон, значит, – удивлённо произнёс О'Коналл.

– А что не так? – вскинул брови в ответ француз.

– Это ведь настоящее имя, – Рэй не спрашивал, а утверждал. – У тебя чересчур сильный акцент для коренного жителя Америки, а я сомневаюсь, что во Франции распространены английские имена.

Джон отсалютовал Рэю кружкой и допил остатки пива. Ирландец был прав, Фонтейн действительно являлся эмигрантом из Парижа. Несмотря на то, что переехал он сюда в раннем возрасте, английский так и не стал ему родным языком. Неправильные ударения и картавость навсегда поселились в английской речи Джона. Надо признать, что он даже не пытался говорить правильно.

– Да, во Франции меня звали по-другому, – подтвердил Фонтейн слова Рэя. – Но то имя мне не нравилось, поэтому оно осталось там, в Европе. А тут – новая страна, новый дом... и новое имя.

– Понимаю, – кивнул О'Коналл.

В отличие от напарника, или кем они друг другу являлись, Рэй производил более приятное впечатление. По крайней мере, даже если ему, как и Смитам, что-то не понравилось в Фонтейне, он это мастерски скрывал. Сам О'Коналл был явно младше Теренса, сомнений в том не было. Во взгляде Рэя прямолинейности не было и в помине, скорее разведывательный инте-

рес, за что Джон отдал ему должное. И самое важное, что для себя отметил француз, это был первый ирландец, который не испепелял его взглядом.

Вообще Джон не любил ирландцев. Как народ они были очень даже дружелюбные, но как преступная группировка, или, как они любили говорить, «банда», ирландцы француз сильно раздражали. Всё дело было в том, что «трилистники», как их любил называть про себя Джон, не желали признавать того, что они сильно уступают итальянцам. Фонтейн для себя давно отметил, что гораздо выгоднее работать либо с итальянцами, которые почти захватили Нью-Йорк, либо же наняться в банду, которая как минимум не мешает итальянцам. Ирландцы никоим образом не подходили под вторую категорию. К началу двадцатых годов Джон уже успел заработать некоторую репутацию надёжного человека, а также познакомился с Лексом. Тогда он ещё не был барменом и работал на дону семьи Бользано. С помощью Лекса Джон обзавёлся некоторыми полезными связями, которые никоим образом не пересекались с ирландцами. Надо признать, те в долгу не остались. Многие ирландцы начали презрительно смотреть на Фонтейна, и что-то ему подсказывало, что рано или поздно эти взгляды сменятся на кое-что посерьёзнее. Однако это ощущение пропало со временем.

– От макаронников что-нибудь слышно? – спросил Теренс, опрокидывая в себя стакан виски.

– Даже если бы я что-то слышал, ты всерьёз думаешь, что я бы тебе это сказал? – скептически ответил Лекс.

Джон немало удивился дерзости бармена. Сам он, конечно, относился к ирландцам немногим лучше, но чтобы вот так запросто переговариваться с начальником – никогда. Теренс тоже так считал, потому что в его глазах мелькнул нехороший огонёк.

– За языком своим следи, – зло проговорил он. – Ты – мой работник, я могу тебя запросто уволить.

– Мы оба знаем, что ты меня не уволишь, – совершенно спокойно ответил Лекс.

– Терри, расслабься, – вступил в разговор Рэй.

– Согласен с месье О'Коналлом, – поддержал его Джон. – Не стоит выпендриваться там, где это не к месту.

Теренс переключил свой взгляд на француз. Джон не боялся этого ирландца. Оружие он точно доставать не будет, если оно у него, конечно, имелось, а в рукопашной схватке у них примерно равные шансы. Хотя были всё-таки опасения, что кто-то из посетителей-ирландцев ринется на помощь Смигу. Однако ощущать на себе взгляд Теренса было довольно неприятно. Фонтейн прикладывал все усилия, чтобы не отводить глаз, и ему это хорошо удавалось. Видя, что оппонента это раздражает, француз слегка ухмыльнулся. Это взбесило Теренса ещё больше.

– А тебя никто не спрашивал, грёбаный лягушатник, – процедил ирландец.

– Не переходи на личности, трилистник, – Джона вполне устраивало то, что Теренс вышел из себя, но называть себя «лягушатником» он не позволял никому. Это прозвище казалось ему мерзким.

– Да ты хоть знаешь...

– Теренс, угомонись, – повысил голос Рэй. Джон мысленно похвалил О'Коналла за правильность направления мысли. – Пойдём, у нас ещё остались дела.

Смит посмотрел на соратника со злостью. Может быть, ему не нравилось то, что его, «ветерана», умиряет ещё молодой член банды. Однако же, в пылу гнева он не заметил, что в их сторону направлены глаза многих посетителей. Почти все ирландцы с надеждой ожидали того, что Теренс заедет кулаком по наглой физиономии француз, который посмел идти поперёк слова далеко не последнего человека в банде. Остальные же клиенты не горели желанием наблюдать назревающий конфликт и смотрели скорее с осуждением. Так или иначе, Теренс напоследок зло зыркнул глазами в сторону Джона и проговорил:

– До встречи, лягушатник.

– И тебе всего наилучшего, – откликнулся Фонтейн, мысленно обматерив ирландца с головы до ног.

Когда они ушли, в баре какое-то время стояла тишина, нарушаемая лишь шумом машин с улицы. Однако продлилось это недолго, буквально через несколько минут люди с прежней активностью обсуждали последние новости.

– Вот такое у нас теперь начальство, – проговорил Лекс и налил себе и французцу ещё по кружке пива.

– Да в гробу я видел такое начальство, – фыркнул Джон, вновь соприкасаясь кружками с барменом. – Говоришь, этот О'Коналл недавно вступил в банду Даумана?

– Да, уже вроде пару недель как, может больше.

– А он в курсе, что он идиот? – усмехнулся Фонтейн и отпил немного.

– Идиот, да не совсем, – возразил Лекс, тоже отпивая напиток. – Я сильно сомневаюсь, что он случайно попал в банду Даумана.

– В смысле?

– Дауман чуть ли не единственный ирландец, который умудряется держаться на плаву. О'Коналл наверняка знал об этом, когда вступал к нему. Присоединиться к кому попало равносильно самоубийству. Дауман умный мужик, однако, гордость, присущая всем ирландцам, скоро сведёт его в могилу.

– Да, – нехотя согласился Джон. – Он живой сейчас ходит только потому, что в своё время сколотил неплохую репутацию и всегда её подтверждал.

– Возвращаясь к О'Коналлу. Насколько я знаю, он был одним из тех, кто стрелял в порту. И самого Даумана он тоже прикрывал в «Ирландии». Так что зря ты на него наезжаешь.

Наступила небольшая пауза. Оба отвлеклись на свои мысли. Джон размышлял о конфликте между ирландцами и итальянцами. Не сказать, что он отдавал предпочтение какой-то стороне, потому что ни та, ни другая его бы к себе не приняла. Хотя итальянцы сотрудничали с представителями других национальностей, но не более того. Фонтейн считал поступок Рэя глупым, потому что итальянцы задавят ирландцев, это лишь вопрос времени. О'Коналлу следовало бы подождать с этим, пока лидеры обеих сторон наиграются в войнушку, и лишь потом думать о вступлении куда-то. Хотя и Рэя можно понять, в банде состоять гораздо проще, нежели действовать в одиночку.

– Кстати, – Лекс, наконец, прервал молчание. – Мне тут Кэтрин нашептала, что ты с Сандрой давно не виделся.

– Я же говорил, мне пришлось залечь на дно, – раздражённым голосом повторил Джон. – Я ей это объяснил уже.

– В таком случае советую больше так надолго не залегать, – Лекс сделал многозначительный взгляд. – Кэтрин недавно видела её с каким-то парнем.

– Ни хрена себе, новость, – немало удивился Фонтейн. – Где это она их видела?

– В Центральном парке вроде.

– Ну, ладно, позже с этим разберусь, – махнул рукой француз. – Сейчас надо с работой решить вопрос. Потенциального нанимателя я лишился, надо найти другого.

– О'кей, валяй. Заходи как-нибудь. Может, кстати говоря, с работой подсоблю, ирландцы любят болтать об этом.

– Я скорее сдохну, чем буду работать с ирландцами, – сказал на прощание Джон и направился к выходу.

Бар «Лайк ин Итали» находился не слишком далеко от его дома, поэтому он пришёл сюда пешком. Бензин, как-никак, денег стоит. По дороге Джон вновь погрузился в размышления. На этот раз он думал о том, на кого же ему теперь работать. Для себя он решил, что к Лексу он

пойдёт только в самом крайнем случае, уж очень не хотелось работать с ирландцами. А если ещё перед итальянцами засветиться, работая на ирландцев, это, считай, конец.

В какой-то момент Джон вспомнил про Голландца Шульца. Почему-то француза беспокоило то, что Голландец ничего не сделал для того, чтобы найти сбежавшего сообщника. Для Шульца ничего не стоило найти беглеца, связей и денег на это он бы точно не пожалел. Сам Фонтейн предпочитал так себя не называть, но со стороны Шульца, кроме как «побег», это ничем назвать было нельзя. Слухи о том, что этот гангстер жестоко расправляется с теми, кто его бросил, не давали Джону покоя.

Перед входом в свою многоэтажку Фонтейн заметил чёрный «кадиллак». Француз никогда прежде не видел тут эту машину. Глупо, конечно, сразу думать, что это плохой знак, однако предыдущие мысли о Шульце сделали своё дело, тем более что осторожность никогда не повредит. Джон зашёл в подъезд и начал медленно подниматься вверх. Сверху доносились какие-то голоса. На своём лестничном пролёте Джон хотел было повернуть направо, но в последний момент резко сдал назад. У двери его соседей стояли два человека в тёмных костюмах и шляпах. По обрывкам разговоров Фонтейн понял, что это были детективы полиции. Отчаянно надеясь не привлекать к себе внимание, он быстро повернул назад, но было поздно. Один из детективов заметил его.

– Сэр, подождите минуту, – потребовал он.

«Ага, сейчас», – мысленно ответил Джон и со всех ног бросился вниз.

– Хватай козла, – раздался голос второго, и полицейские понеслись за французом.

Джон, не останавливаясь ни на секунду, пробежал четыре лестничных пролёта и свернул к чёрному ходу. Вскочив на улицу, при этом, чуть не сорвав дверь с петель, Фонтейн продолжал бежать, направляясь к своему гаражу. Быстро оглянувшись назад, Джон мельком заметил, выбежавших вслед за ним копов, в руках которых уже были револьверы. Это дало французам дополнительный стимул, и он завернул в свой гараж. Только сейчас он вспомнил о том, что ключи от своей машины он оставил дома. Недолго думая, Джон подбежал к автомобилю, размахнулся и со всех сил ударил локтем по стеклу. Оно не поддавалось. Тогда Фонтейн тут же ударил во второй раз, и боковое окно брызнуло осколками. Джон быстро открыл дверь, сел и нырнул под руль. Соединив нужные провода, он завёл мотор и вдавил педаль газа. Машина, набирая скорость, двинула в сторону дороги. Фонтейн вновь обернулся в сторону преследователей и резко опустил голову. В ту же секунду раздался выстрел, и в багажнике образовалась дыра от пули. Следом ещё один, с тем же эффектом. Джон выехал на шоссе и направился в сторону Центрального парка.

Фонтейн смог спокойно выдохнуть только спустя несколько минут после того, как стих последний выстрел. У него не было сомнений, что этих копов к нему подослал Голландец Шульц. Вот уж верно говорят: вспомнишь дерьмо... Но главное, что беспокоило Джона – это наверняка не всё. Шульц вряд ли успокоится, пока не убедится в том, что Фонтейн мёртв.

Доехав до места, Фонтейн притормозил немного в стороне от входа в парк. Подумав немного, он достал из бардачка пистолет марки «Кольт 1911».

«На всякий случай», – с этой мыслью Джон достал наплечную кобуру, пристроил и засунул туда пистолет. Перед выходом француз добавил последний штрих: взял из бардачка сложенное вдвое разрешение на оружие и положил в карман.

В Центральном парке было достаточнолюдно. Многие предпочитали проводить субботний день поближе к природе. Джон решил особо не углубляться в парк и присел на ближайшую скамейку. Почему-то его сразу охватила какая-то нега. Солнце не слишком сильно припекало: атмосфера для отдыха самая подходящая.

Он хотел было уже начать думать о том, как же ему поступать дальше, как вдруг Фонтейн услышал знакомый женский голос. Он повернул голову в сторону и увидел Сандру. Это была молодая, двадцатилетняя девушка, ростом чуть выше среднего. Её ярко-рыжие волосы

были аккуратно заделаны и по длине напоминали каре. Одета она была в тёмное платье чуть ниже колен, подчёркивающее стройную фигуру и длинные ноги, туфли на невысоком каблуке и чёрные перчатки до локтя. Портрет сексапильной красотки дополнял броский макияж: подведённые веки, длинные чёрные ресницы, подкрашенные и подрисованные брови и, наконец, тёмно-красная помада. Посмотрев на неё, Джон тут же забывал обо всём. Однако сейчас чувство восхищения сменилось недоумением и, даже, злостью.

Рядом с ней шёл какой-то парень. По виду человек состоятельный: иссиня-чёрный костюм, бледно-жёлтая рубашка, чёрные лакированные туфли, все эти вещи, казалось, были только что из магазина. Сам парень был высоким, темноволосым, худощавым. Кожа смугловатого цвета давала понять, что корни у него не американские, а его лёгкая, надменная улыбка вызывала восторженный взгляд Сандры, что в свою очередь очень нервировало Джона.

Француз не стал долго на это смотреть и направился напрямик к этой парочке. Уже на подходе он встретился глазами с Сандрой. Она ничуть не смутилась, увидев его, лишь мило улыбнулась.

– Привет, Джон, – томным голосом проговорила Сандра. Ещё большее очарование речи девушки придавал её британский говор, благодаря которому все слова звучали немного надменно. Даже застав её с другим, Джон не мог перестать ей восхищаться.

– Привет, милая, – ответил Фонтейн спокойным тоном, слегка ухмыльнувшись, чтобы не выдать своего гневного настроения. – Вижу, ты даром времени не теряла.

– Ну, что поделать, – Сандра знала, что спокойствие Джона напускное, и это не могло её не радовать. – Ты больше месяца ко мне не заходил. Мне стало скучно. Не с кем поговорить, не с кем провести тёплые летние вечера... и ночи.

После этих слов француз нервно шевельнул скулами. Это не ускользнуло от взгляда спутника Сандры, и он посмотрел на Джона прямым, холодным взглядом, не прекращая при этом слегка ухмыляться. Фонтейн знал этот взгляд. Так смотрит человек, чувствующий себя хозяином положения, и, надо сказать, этот парень смотрит так не безосновательно.

– Познакомься, это Эйдриан, – представила Сандра своего спутника.

– Очень приятно, сэр, – деланным вежливым тоном произнёс Эйдриан. Джон уловил в его речи лёгкий итальянский акцент, и потому сразу насторожился.

– Взаимно, – Фонтейн отвечал тем же тоном.

– Неплохой ствол, – всё тем же тоном сказал итальянец, оглядывая пистолет, торчавший из-под мышки Джона.

– Спасибо, – поблагодарил Фонтейн. Эйдриан всё меньше ему нравился. Хотя не сказать, что изначально этот итальянец производил лучшее впечатление.

– Зачем тебе пушка? – поинтересовалась Сандра, умело скрывая взволнованность.

– Издержки профессии, – отмахнулся Джон.

– Ты опять куда-то вляпался?

– Никуда я не вляпался.

– Тут, кстати говоря, пробежал слушок, – повернул Эйдриан. – Вроде как, Голландец Шульц ищет, как он выразился, ублюдка, который его обокрал.

– Ну и? Я-то здесь причём? – невозмутимо спросил Фонтейн.

Итальянец продолжал смотреть на Джона, не отрываясь.

– Говорят, что парень, который его обокрал, был французом, – вкрадчиво, не торопясь, продолжал Эйдриан. – По крайней мере, акцент у него был очень сильный.

– К чему ты клонишь? – Фонтейн не выдержал и спросил напрямик.

– К тому, что этот француз полнейший придурок.

– И почему же? – Джон уже едва сдерживал злость.

– Ты можешь оскорбить девушку Голландца, плюнуть ему в лицо, ударить, его это только позабавит. Но даже не пытайся украсть хотя бы доллар с его стола. Сделал это – ты покойник.

Джон не сомневался, что итальянец знает о том, что именно этого француза он видит перед собой. В противовес Фонтейну, Эйдриану сложившаяся ситуация очень нравилась. Прежде всего, тем, что итальянец по-прежнему смотрелся в разы выгоднее, нежели его оппонент. А неприязнь Джона по отношению к Эйдриану всё так же росла. Больше всего его напрягала осведомлённость итальянца в криминальном мире, в частности то, что он каким-то образом узнал о связи француза с Шульцем. Фонтейн сделал неприятный для себя вывод: Эйдриан, скорее всего, принадлежит итальянской группировке – Коза Ностре.

Фонтейн также лишний раз убедился, что копов послал Голландец Шульц. Джон знал о чрезмерной скупости Шульца. Фонтейну показалось, что Голландец слишком сильно преуменьшил заслуги француза. Джон знал и о том, что скупердяй Шульц платит своим людям очень мало, но когда он увидел насколько именно, то сразу решил ретироваться. Заодно француз прихватил с собой некоторую часть денег, которую он считал честно заработанной. По сравнению с общей прибылью – это была мелочь. Фонтейн понадеялся, что Шульц, всё-таки, не будет поднимать много шума по этому поводу. Теперь он понял, что очень сильно ошибался. В какой-то момент у Джона промелькнула мысль, что надо бы и вовсе скрыться из города, но тут же возник вопрос: а на какие деньги он уедет? Заначка у него была, но на новую жизнь в другом городе её хватило бы с трудом. Да и времени, чтобы освоиться, потребуется много, и деньги, скорее всего, уйдут много раньше, чем у Джона это получится.

Так или иначе, выход оставался только один: остаться в Нью-Йорке и разгрести то, что натворил.

– Не думаю, что у того вора не было запасного варианта на случай разоблачения, – произнёс Джон после секундной паузы.

– Несомненно, – саркастично кивнул Эйдриан.

После этого итальянец достал золотые часы из нагрудного кармана.

– Оу, – вскинул он брови, посмотрев на время. – Прошу меня извинить, друзья мои, мне пора. Не у всех сегодня выходной, знаете ли, – Эйдриан покосился в сторону Джона.

Француз мысленно вздохнул. Он был уверен, что видит итальянца не в последний раз. По крайней мере, Сандра уж точно долго не забудет Джону месячную отлучку. Эйдриан попрощался и напоследок стрельнул глазами в девушку. Та в долгу не осталась и игриво улыбнулась.

– Ну и какого хрена? – спросил Джон, как только Эйдриан скрылся из виду.

– Ты о чём? – невозмутимо удивилась Сандра, доставая мундштук и пачку сигарет.

– Хорош юлить, дорогая, – оборвал её Фонтейн. – Давно ты с этим макаронником?

– Не очень, – уклончиво ответила девушка. – Познакомилась с ним через пару дней после того, как ты не пришёл на нашу встречу. Дай прикурить.

Джон достал спички, а заодно и свою пачку, поджёг сначала свою сигарету, потом протянул зажжённую спичку Сандре. Оба с наслаждением затянулись. Однако сигарета не помогла Джону успокоиться, внутри него по-прежнему полыхала ярость.

– Дорогой, не обижайся, – Сандра лукаво улыбнулась. – Ты же тоже не был мне верен.

– Какое это сейчас имеет значение? – раздражённо отмахнулся Джон.

– Ну, раз не имеет, значит, Эйдриан ещё пару раз сводит меня в ресторан, – просто сказала девушка и выпустила очередную струю дыма. – Тем более, итальянцы никогда не изменяют своим женщинам.

– Давно ли ты стала его женщиной?

– Всё впереди, мой милый, всё впереди.

Джон решил больше не испытывать своё терпение.

– Ладно, мне пора, – произнёс он и кинул окурок в урну.

– До дома меня не подбросишь? – спросила Сандра.

– Если только ты готова ехать в машине с двумя следами от пуль, – ухмыльнулся Фонтейн.

Он знал, что Сандра ни за что на свете не поедет на такой машине. Подвергать свою жизнь опасности она очень не любила. Исключением являлись мимолётные романы с гангстерами. Она стала так делать после того, как застала Джона, стреляющего глазами по проходящим мимо девушкам. И, надо признать, Сандра испортила Фонтейну гораздо больше нервов.

Они распрощались, и Джон поехал по направлению к бару «Лайк ин Итали». В голове у него эхом отзвучали последние слова Лекса.

– И вот ты снова здесь, – констатировал бармен, видя входящего француза.

– Да, – кивнул Джон, садясь рядом с Лексом. – Уже успел соскучиться?

– Если бы, – усмехнулся Лекс и тут же сменил тон на серьёзный. – Тут, кстати, слушок пробежал, что кто-то обокрал Голландца Шульца.

Бармен выдержал небольшую паузу, давая возможность Джону самому всё рассказать. Он догадывался, что этим кем-то был именно Фонтейн.

– И? – Джон не желал сам признаваться в воровстве.

– У тебя совсем крыша слетела? – Лекс решил обойтись без лирических отступлений. – Вот, значит, где ты пропадал. Ты не от копов прятался, а от Голландца. Ты чем думал вообще, когда воровал у Шульца? Ты понимаешь, что он тебя теперь из-под земли достанет?

– А ты откуда узнал об этом? – спросил в свою очередь Джон. – Каких-то несколько часов назад ты об этом даже не догадывался.

– Знакомый один поведал, – уклончиво ответил Лекс. – Ты же знаешь, здесь люди о разном болтают, – и добавил после небольшой паузы. – Вот от кого, от кого, а от тебя такого не ожидал.

– Сделай одолжение, заткнись, а, – Джон уже начал уставать от того, что все вокруг считают его идиотом. – Скажи-ка лучше, Эшли до сих пор одна живёт?

Спросив это, он покосился взглядом на одну из официанток. Эшли была высокой, симпатичной девушкой. Косметикой она пользовалась не слишком броской, но это придавало ей только больше шарма. Единственное, что Джона не очень привлекало, это округлые бёдра и выступающая грудь. Однако с этим можно было мириться.

– Заселиться к ней хочешь? – ухмыльнулся Лекс. – А как же Сандра?

– Ну её нахер, – зло сказал Фонтейн. – Видел её сегодня, шлялась с каким-то макаронником.

– Ты поаккуратнее с ними, итальянцы – ребята серьёзные.

– Да, кстати, – Джон вспомнил о цели своего визита и достал сигарету. – Ты вроде что-то упоминал насчёт работы, – Фонтейн чиркнул спичкой и затянулся. – Думаю, деньги мне сейчас нужны гораздо больше, чем принципы.

Семья, работа и месть

Квартира Эйдриана; «Адская кухня»

13 сентября, 9:07

Ночь, в кои-то веки, выдалась спокойная, без каких-либо происшествий. Эйдриан, стоял на балконе, любуясь утренним видом просыпающегося города и выпуская густой дым престижных сигарет. С каждой новой затяжкой голова становилась яснее, и сон довольно быстро покидал сознание. Качественный табак оставлял приятное послевкусие на губах. Лёгкие уже давно перестали протестовать при затяжке в себя, поэтому курение больше не причиняло абсолютно никаких неудобств. Эйдриан кинул окурок с балкона и достал вторую сигарету. Он предпочитал ловить момент, когда пачка ещё свежая, а курить новые сигареты было особенно приятно.

День сегодня обещал быть долгим. Буквально через несколько минут Эйд должен будет уйти из дома, а вот когда вернётся – неизвестно. Кроме того, он сегодня хотел навестить маму и сестёр. Эйдриан не виделся с семьёй больше двух недель, они наверняка волнуются.

Докурив сигарету, итальянец закрыл балкон и подошёл к шкафу. Одеться сегодня надо было достойно. Помимо работы и визита к родным, сегодня у Эйда намечалась встреча с девушкой, а при ней нельзя показывать себя несостоятельным или неопытным. Конечно, кто-то говорит: это, мол, не главное, но кого эти люди пытаются обмануть? Женщины, в первую очередь, любят глазами. Конечно, не так, как мужчины, нет. Если мужчины смотрят в первую очередь на внешность, то для женщин гораздо важнее поведение, которое они видят перед собой. Эйдриан всегда открыто говорил людям, которые уверены, что внешность и состояние не главное, что они идиоты. Глупо было отрицать очевидный факт.

Пока рассуждения о женщинах мелькали в мыслях Эйда, он уже застёгивал позолоченные запонки на рукавах бледно-жёлтой рубашки. Подтянув ремень на тёмно-синих брюках, итальянец надел пиджак того же цвета, подкрутил золотые карманные часы и приготовился к выходу. У самой двери ему на глаза попала приоткрытая тумбочка, из которой виднелся поблёскивающий корпус верного пистолета «Кольт 1911». Недолго думая, Эйдриан быстро надел наплечную кобуру, затем полностью открыл тумбочку, взял оружие и сунул за пазуху. С пистолетом он чувствовал себя в разы увереннее.

Первым делом Эйдриан направился к знакомому бывшему медвежатнику, который ныне жил тем, что добывал информацию. Он должен был добыть сведения об одном персонаже. Итальянец не сомневался в информаторе – он был надёжным человеком. Добудет любую информацию о любом. Не бесплатно, разумеется. Но для Эйдриана деньги перестали быть проблемой уже давно, так что, если ему нужно было что-то знать о какой-нибудь, пусть даже неприметной, личности – Эйд всегда знал, куда идти.

Времени у итальянца было предостаточно, и он решил пройтись пешком. Благо, информатор жил не слишком далеко. Эйдриан уже порядком отвык от прогулок. В последнее время он чаще разъезжал на машинах. Своего автомобиля у него не было, а угонять ему не хотелось. Он объяснял это слишком долгой вознёй с документами.

Дорога до информатора заняла у Эйдриана около пятнадцати минут. В течение всего пути итальянец думал о работе, которую ему поручил дон Бользано. В девять часов вечера он должен встретиться с одним ирландцем – человеком Бена Даумана. Эйд в последнее время всё чаще слышит об этом ирландском главаре, причём не слишком добрые слова. В основном они, конечно, идут от Кампанеллы, который ведёт с ними войну вот уже около трёх недель. Лично Эйдриан очень не хотел влезать в эти дела, потому что нейтралитет, которого дон Бользано пока умудрялся придерживаться, его вполне устраивал. Если Бользано вмешается в войну, то в любом случае у его семьи появится новый враг: либо в лице сильного мафиозного клана, либо в виде нескольких ирландских банд. В том, что за смерть Даумана будут мстить не только

его люди, итальянец не сомневался. Но приказы не обсуждались, и Эйд будет сегодня в девять в ресторане «Британс делишес».

Эйдриан поднялся на нужный этаж и позвонил. Информатор жил в обычной многоэтажке. Он предпочитал не выделяться из толпы, и Эйд его понимал. Так гораздо меньше шансов, что тебя найдут, и в случае чего всегда есть пожарная лестница, как путь отступления. Наконец, скрежетнула щеколда, и дверь распахнулась. На пороге стоял невысокий, полноватый человек. Серые, непреклонные глаза смотрели на пришедшего поверх очков-половинок. Он был одет в красную рубашку, рукава которой были закатаны до локтя, и светлые брюки на подтяжках.

– Всё узнал? – вместо приветствия спросил Эйдриан.

– Угу, – кивнул информатор. – Заходи.

Эйд вошёл в квартиру вслед за хозяином. Обставлено всё было небогато, да и само помещение было однокомнатным. Основная часть мебели находилась в гостиной, которая по совместительству являлась и спальней. Книжный шкаф, занимавший одну из стен практически полностью, был забит в основном толстыми папками. Эйдриан понятия не имел, что в них находится. При нём информатор ещё ни разу не обращался к содержимому шкафа. Однако Эйд был почти уверен, что в сейфе, который был встроен в стену, рядом со шкафом, находились что-то вроде досье на самых известных людей Нью-Йорка. Со стопроцентной вероятностью можно было сказать, что оба мафиозных дона занимали почётное место в этом сейфе.

Эйдриан сел на диван. Ему на глаза попала какая-то бумага с печатью, которая лежала на столе, стоящем рядом с диваном. Эйд взял её в руки и прочёл. Это были поддельные документы на машину, на имя Адама Гриваса, очень высокого качества сходства. Информатор всегда небрежно относился к документам на собственное имя. По правде говоря, итальянец бы ни за что и не догадался, что документы липовые, если бы не знал, что Адам занимается поддельными бумагами.

– Напомни-ка имя чувака, которого ты искал, – попросил Гривас, выходя из кухни с двумя чашками чая.

Эйдриан взял чашку и отпил немного, прежде чем ответить.

– Джон Фонтейн, – наконец произнёс итальянец.

Эйдриан уже многое знал об этом человеке, благодаря тому же Адаму, но сейчас ему требовались более свежие сведения. Гривас пошарил в небольшой стопке бумаг и, спустя некоторое время, вытащил нужные листы, соединённые скрепкой. Пробежав глазами по бумагам, удовлетворённо кивнул и протянул их Эйдриану.

– Сколько? – спросил Эйд, беря скреплённые листы.

– Восемьсот, – не замедлил с ответом Адам, попивая свой чай.

Эйдриан полез во внутренний карман, достал деньги, пересчитал и протянул Гривасу. Тот их принял, вновь пересчитал и убрал в бумажник.

– Где он сейчас? – спросил итальянец, изучая бумаги, вручённые информатором.

– Должен быть дома, – ответил Адам, вновь делая глоток. – Вроде как собирался сегодня в бар заглянуть. Большого не знаю.

– Какой бар?

– Лайк ин Итали.

«Так, а вот это хорошо, – подумал Эйдриан. – Этот бар мы знаем».

«Лайк ин Итали» был весьма значимым местом для итальянца. Именно там Эйд получал свои первые задания. Именно там ему сообщили, что его принимают в мафиозный клан. Именно там он провёл полтора года почти безвылазно, получая заработанные деньги, узнавая последние новости и любясь симпатичными официантками.

Кроме того, Эйдриан хорошо знал тамошнего бармена, Лекса Картера, хоть и не видел его почти три года. Какое-то время они даже вместе работали, но их пути разошлись, когда

Эйд поступил на службу к дону Бользано. Лекс не мог туда вступить, потому что у него не было сицилийских корней, и некоторое время он работал на крёстного отца Бользано, но потом он резко решил завязать с криминалом. Эйдриан отчего-то думал, что к уходу Картера приложила руку его девушка Кэтрин, с которой он, вроде бы, до сих пор встречается. Но итальянец не судил бармена за это. Эйд понимал, что Лекс не хочет подвергать свою девушку опасности.

– Он обокрал Шульца? – удивлённо произнёс Эйдриан, читая второй лист. – Серьёзно что ли?

– Да, – кивнул Адам. – Типа разозлился, что Шульц ему ни хрена не платит.

– Да он бессмертный, по ходу, – сказал итальянец, возвращаясь к чтению. – Совсем долбанулся.

– И не говори. Голландец его убьёт нахер. А перед этим трахнет.

Эйдриан усмехнулся и продолжил читать. Пожалуй, факт ограбления Голландца Шульца был самым интересным из всей информации, что добыл Гривас. Надо сказать, что полным идиотом Фонтейн не был, потому что сразу после этого он залёг на дно и целый месяц нигде не светился. Разве что, выходил пару раз в ближайший магазин. Выходит, что сегодня первый день, когда Фонтейн открыто выйдет из дома.

– Разреши вопрос, – проговорил Эйдриан, откладывая прочитанные бумаги в сторону, и, получив безмолвный кивок, продолжил. – Как ты узнал, что Фонтейн сегодня собрался в бар?

– У него очень болтливая соседка, – ответил Адам, допив свой чай. – Она вчера его встретила, спросила что-то насчёт квартплаты. Короче, они разговорились, и он мимолётом обронил, что собирается сегодня заглянуть в бар «Лайк ин Итали».

– Угу, – пробормотал Эйд и опустошил свою чашку. – Спасибо за информацию, Адам. По гроб жизни обязан.

– Да нет проблем, – ответил информатор. – Любой каприз за твои деньги.

Итальянец пожал Гривасу руку на прощанье и покинул квартиру. С одним делом было покончено, впереди встреча с девушкой, и это, пожалуй, самая трудная задача на сегодня. Даже ирландцы Эйда волновали в разы меньше, нежели предстоящее свидание. От ирландцев он, хотя бы знал, чего ожидать. Убивать его они точно не будут: даже ирландцы не настолько тупы, чтобы застрелить солдата мафиозного клана, с которым они не воевали. Если нападения одного крёстного отца они худо-бедно отбивают (по крайней мере, Кампанелла несёт большие потери по сравнению с Дауманом), то два босса их просто раздавят.

Несмотря на сложность предстоящего свидания, по дороге к девушке Эйдриан думал больше о встрече с ирландцами. Хотя, скорее всего, ирландец будет один. Итальянец даже не мог объяснить, откуда взялось это предположение. Наверняка, дон Бользано заранее обговорил это условие, потому что иначе Эйдриан вряд ли отправился бы на встречу в одиночку. Эйд не думал о том, что он будет делать, если ирландцев окажется больше, чем один. Но одно он знал точно – шанс того, что они договорятся, будет очень невелик.

Подойдя к нужному дому, Эйдриан купил букет цветов в магазине, что находился неподалёку. Итальянец уже не раз отмечал удобство расположения этого магазина. Эйд не знал, догадывается ли получательница цветов о том, что закупается он буквально перед самым приходом. Наверняка она подозревает это, но довольную мордашку всегда делает очень умело.

Поднявшись на нужный этаж, Эйдриан немного поправил воротник и позвонил. Он не смотрел на часы, но знал, что пришёл точно вовремя. В квартире послышался торопливый стук каблуков и спустя несколько мгновений дверь открылась.

Она стояла у самого порога, прекрасная, как и всегда. Когда Эйдриан впервые увидел Сандру Тёрнер, у него даже не возникало вопроса: почему Фонтейн выбрал именно эту девушку. Её ярко-рыжие волосы едва касались плеч, но в распущенном виде они опустились бы ниже. Тёмно-красные губы соблазнительно улыбались. От этой улыбки можно было просто сойти с ума. Но игривый взгляд ярко-синих глаз, окаймлённых длинными чёрными ресницами,

притягивал Эйдриана больше всего остального. Когда он смотрел Сандре в глаза, ему хотелось утонуть в них. Эта девушка было красива не только лицом. Её стройную фигуру прекрасно подчёркивало тёмное платье до колен, открывающее вид на соблазнительные, длинные ноги, обутые в туфли на невысоком каблучке. Ещё большую элегантность придавали чёрные перчатки до локтя – последний штрих её сегодняшнего портрета. Хотя Эйдриан мог бы описывать эту девушку вечно.

– Это тебе, – улыбнувшись, проговорил Эйд, протягивая Сандре букет.

– О, спасибо большое, – лёгким, томным голосом поблагодарила девушка на британском английском. Родной говор, из-за которого речь Сандры казалась слегка надменной, придавал ей ещё больше шарма. – Правда, не стоило.

«Ещё как стоило, – подумал про себя Эйдриан. – Знаю я вас. Не подаришь один раз – всё, финита ля комедия. До секса точно дело не дойдёт».

Кто-то мог сказать итальянцу, что он преувеличивает. Отчасти так оно и было, но девушки стали очень привередливо относиться к своим кавалерам. Сейчас именно девушки выбирали себе спутников. Много ли надо, чтобы соблазнить мужчину? Порой одного лукавого взгляда хватает с лихвой. Но с женщиной – ситуация совершенно другая. Им иногда даже самых героических подвигов бывает недостаточно. С другой стороны, есть ли сейчас эти самые «герои», чтобы совершать «геройские» подвиги? Эйдриан предпочёл не отвечать на этот вопрос. Да и нужен ли был этот ответ?

Сандра поставила цветы в вазу, взяла сумочку, и они, наконец, могли выйти из дома. Эйдриан предложил ей на этот раз просто прогуляться. Как ни странно, она согласилась. Возможно, ей тоже надоели походы в рестораны. Другой причины Эйдриан просто не мог придумать. Хотя она могла быть абсолютно какой угодно, за последние годы итальянец убедился, что от женщин можно ожидать всего.

Эйдриан повёл Сандру в Центральный парк. Он считал это лучшим местом для прогулок. Эйдриан в очередной раз ловил себя на мысли, что просто смотрит на Сандру, не отрываясь. Она была само очарование. Эйд не мог сопротивляться её магии, но он заставлял себя не поддаваться. Его целью была месть Джону Фонтейну, а влюбляться в Сандру в его планы не входило. Но эта девушка была ослепительна. Её речи хотелось слушать снова и снова, а в её глаза смотреть неотрывно. Ради её улыбки итальянец был готов на всё, даже встать на сторону ирландцев.

Одного Эйдриан никак не мог взять в толк: зачем это нужно Сандре? Фактически молодой человек у неё был, пусть даже они и не виделись целый месяц. Похоже, что её это не особо волновало. Более того, Эйдриан буквально чувствовал, что Сандра получает удовольствие от их встреч. Возможно, конечно, она была превосходной актрисой, но итальянец верил ей. А может быть, ему просто хотелось верить этой красоте-сердцежке. Эйд долгое время думал о Сандре, о том, что же она всё-таки значит для него... и не приходил к окончательному ответу.

Вдруг Эйдриан заметил высокого темноволосого парня, который шёл напрямик к ним. Он был одет в зелёную рубашку, рукава которой были слегка закатаны, тёмные штаны и чёрные ботинки. Сандра чуть улыбнулась ему, когда он подошёл, и приблизилась к Эйдриану. Итальянец догадался, кто сейчас стоит перед ним. Они встретились немного раньше, чем планировалось, но так было даже лучше.

– Привет, Джон, – произнесла Сандра, подтвердив мысли Эйдриана. Её томным голосом нельзя было не восхищаться, а британский говор стал особенно хорошо слышен.

– Привет, милая, – ответил ей Фонтейн. – Вижу, ты даром времени не теряла.

Эйд еле удержался от того, чтобы не поджать губы от настолько грубого и исковерканного произношения. Английский ему тоже не был родным, но итальянец, по крайней мере, старался соблюдать все нормы чужого языка. Разумеется, полностью избавиться от акцента ему не удастся никогда, для этого нужно было родиться в англоговорящей стране. Но Эйдри-

ана поражало то, что Фонтейн даже не старался хоть как-то замаскировать свой французский говор. Что он пытается этим показать – непонятно.

Кроме того Эйд заметил, что Фонтейн пустил на лицо фальшивую ухмылку. Итальянец был уверен, что за этой ухмылкой скрывается ярость, однако надо сказать, что гнев он прятал довольно умело. Смотря прямо Фонтейну в глаза Эйдриан тоже слегка улынулся.

– Ну что поделать, – игриво сказала Сандра. – Ты больше месяца ко мне не заходил. Мне стало скучно. Не с кем поговорить, не с кем провести тёплые летние вечера... и ночи.

Эйдриан снова восхищался ею. Она тоже видела, что Фонтейн злится и умело этим пользовалась. Сандра знала, что говорить и как говорить, поэтому она заставляла француза злиться ещё сильнее. Эйд посмотрел на Фонтейна прямым, холодным взглядом, продолжая слегка ухмыляться. Итальянец видел в собеседнике попытку противостояния. Француз как будто говорил своим взглядом в ответ, что просто так он не сдастся. Эйду мигом захотелось его припугнуть, и он даже знал, как это сделать, но пока он себя сдерживал. Было слишком рано для этого. Нельзя было показывать, что Эйдриану много о нём известно.

– Познакомься, это Эйдриан, – внезапно представила Сандра своего спутника.

– Очень приятно, сэр, – нарочито учтиво произнёс Эйд, не убирая улыбку с лица.

– Взаимно, – кивнул в ответ Фонтейн. Их безмолвная схватка взглядами продолжалась до сих пор. Эйдриан за своей ухмылкой скрывал злорадство, а француз за своей – ярость.

– Неплохой ствол, – итальянец на миг оторвал взгляд от глаз собеседника, пробежав им по оружию Фонтейна, вернее по рукоятке пистолета, торчавшей из-под левой подмышки.

– Спасибо, – ответил француз.

– Зачем тебе пушка? – поинтересовалась Сандра. Эйдриану послышались нотки тревоги в её голосе, которые ей спрятать не удалось, хотя она старалась.

– Издержки профессии, – казалось, Сандра вообще потеряла интерес для Фонтейна, по крайней мере, как девушка. Сейчас она была лишь неким символом, за который он, так же как и Эйдриан, боролся. Только цели были разные.

– Ты опять куда-то вляпался? – настаивала Сандра, и Эйд разочарованно заметил, что она переживает за этого француза. Итальянец решил, что всеми силами постарается избавиться даже от малейшего знака внимания Фонтейну со стороны девушки.

– Никуда я не вляпался, – Эйдриану отчего-то показалось, что эти слова француз проговорил каким-то победным голосом. Дескать, Сандра о нём беспокоится. Эйд очень хотел загнать Фонтейна обратно в его нору, чтобы он боялся, чтобы превосходство итальянца было очевидно. Соблазн был настолько велик, что удержаться было невозможно.

– Тут, кстати говоря, пробежал слухок, – как бы, между прочим, сказал Эйдриан. – Вроде как, Голландец Шульц ищет, как он выразился, ублюдка, который его обокрал.

– Ну и? Я-то здесь причём? – невозмутимо спросил Фонтейн.

«Ещё как причём, мать твою, – мысленно проговорил Эйдриан, продолжая неустанно смотреть на собеседника. – Только ты мог додуматься до такой идиотской затеи».

– Говорят, что парень, который его обокрал, был французом, – не торопясь продолжал Эйд. – По крайней мере, акцент у него был очень сильный.

«Прям как у тебя», – про себя закончил он.

– К чему ты клонишь? – видимо, нервы у француза были на пределе, раз он решил больше не юлить.

– К тому, что этот француз полнейший придурок, – даже «заочное» оскорбление личности Фонтейна было достаточно приятно.

– И почему же? – Эйдриан наслаждался тем, как Фонтейн злится. Даже Сандра потихоньку отошла на второй план. Всё свелось к обычной перепалке, типа «кто кого оскорбит». По правде говоря, оскорблял сейчас лишь Эйдриан – Фонтейн пытался отразить выпады итальянца призмой безразличия.

– Ты можешь оскорбить девушку Голландца, плюнуть ему в лицо, ударить, его это только позабавит. Но даже не пытайся украсть хотя бы доллар с его стола. Сделал это – ты покойник.

Эйдриан проговаривал каждое слово с чёткой расстановкой, чтобы Фонтейн напрягся ещё больше. Однако на лице читалась скорее задумчивость. В какой-то момент Эйд решил, что француз догадался о том, что итальянец под него копает. Но эти мысли быстро развеялись, потому что Фонтейн после небольшой паузы продолжал защищаться:

– Не думаю, что у того вора не было запасного варианта на случай разоблачения.

– Несомненно, – кивнул Эйдриан.

После этого итальянец решил, что с французского пока хватит потрясений, и он поспешил ретироваться. Не придумав ничего лучше, Эйд достал свои часы и сделал вид, что ему пора уходить. Уже находясь на приличном расстоянии, итальянец оглянулся.

Эйдриан остался доволен собой, со злорадством отмечая, что парочка ругается. На выходе из парка Эйд достал пачку сигарет, закурил и взял курс на бар «Лайк ин Итали». В голове снова мелькнула мысль: а не слишком ли рано итальянец упомянул о том, что «кто-то» обокрал Голландца Шульца? Эйдриан поспешил себя успокоить тем, что Фонтейн наверняка не обратил внимания на его подозрительную осведомлённость. Слишком ярким был страх в его глазах, пусть и показавшийся там на мгновение.

Вообще, идти в бар было довольно рискованно, ирландцы всё ещё держали его, а завязывать войну с ними Эйдриану хотелось меньше всего. Играть в стрелялки с «трилистниками» – это в стиле дона Кампанеллы. Семья Бользано же, в которой и состоял Эйдриан, предпочитала в этих делах особо не пачкаться. Но итальянец соврал бы сам себе, если бы утверждал, что с ирландцами сохранялся негласный нейтралитет. Как-никак, народная солидарность делала своё дело. Слишком много его соотечественников полегло от пуль «трилистников».

Дойдя до бара, Эйдриан всмотрелся внутрь помещения через витрину. В баре было не слишкомлюдно. Итальянец взял себя в руки, хотя это и было нелегко: всё-таки ирландцы – народ темпераментный, любой из них мог запросто наплевать на здравый смысл и пристрелить Эйдриана на месте, невзирая на то, что это чистейшей воды самоубийство. Но оставалась довольно крепкая надежда на то, что Лекс сумеет образумить своих посетителей. Однако всё же стоило заметить, что рассчитывать только на помощь Лекса было так же рискованно, как и идти в бар. Уж очень долго они не виделись, многое могло измениться.

Сделав глубокий вдох, Эйдриан вошёл в бар. Он изо всех сил старался не придавать никакого выражения своему лицу, не позволял ни одной эмоции проявить себя. А самое главное, итальянец не задерживал свой взгляд ни на одном из ирландцев. Хотя сами ирландцы всюду сверлили глазами вошедшего. Все без исключения видели в нём врага. Кто-то смотрел на Эйдриана с ненавистью, а кто-то с недоумением, и сам Эйдриан понимал, почему. Если бы он увидел итальянца, зашедшего в бар, наполненный ирландцами, он бы точно решил, что перед ним сумасшедший. Эйдриан буквально чувствовал каждый взгляд, направленный в его сторону. Подумать только, ведь когда-то ситуация была прямо противоположная. Тогда Эйдриан ещё только знакомился с криминальным миром, а бутылки с виски можно было достать чуть ли не на каждом углу.

– Ты чё, макаронник, совсем страх потерял? – прозвучал грубый голос слева от итальянца.

Эйдриан медленно повернулся, держа себя в руках, что было делать всё труднее. Перед ним стояло четверо здоровых ирландцев, явно настроенных на драку. Драться Эйдриану не хотелось, шансы были слишком неравными. Он не отказался бы пригрозить ирландцам оружием, находившимся у него под пиджаком, но это опять же был бы дохлый номер – враги его пристрелят на месте. Эйдриан хотел уже было ответить, как из-за барной стойки донёсся голос Лекса:

– Хлебало прикрой, будь любезен.

– Не понял, – один из ирландцев повернулся к бармену.

– Вы и так воюете с одним из итальянских донов. Хочешь добавить себе в список ещё одного крёстного отца?

Ирландец видимо решил, что и одного дона ему будет вполне достаточно, и сел обратно за стол. Эйдриан тем временем облегчённо вздохнул про себя и подошёл к барной стойке.

– Ну, здравствуй, Лекс, – поприветствовал итальянец бармена.

– Привет, Эйд, – улыбнулся в ответ Лекс, и они пожали друг другу руки.

Ирландцы по-прежнему смотрели в спину Эйдриана с лютой ненавистью, даже несмотря на то, что, по сути, он не являлся для них врагом. Хотя чего греха таить, ирландцы видели врагов во всех итальянцах, точно так же, как и каждый итальянец считал, что ирландские банды надо уничтожать под корень. Эйдриан и сам с превеликим удовольствием перестрелял бы каждого ирландца в этом баре, будь у него возможность.

– Рад тебя видеть, – сказал Лекс после рукопожатия. – Сколько мы не виделись? Года два?

– Почти три, – усмехнулся Эйд. – С тех пор, как ты решил завязать с нашей «работой». Ну и как тебе новая должность?

– Да так, знаешь ли. На жизнь хватает. По крайней мере, теперь я не беспокоюсь, что меня пристрелят.

– В том, что тебя пристрелят, есть своя романтика, и ты это знаешь не хуже меня.

Эйдриан знал, о чём говорил. Пару раз они с Лексом попадали в серьёзные передраги. Несмотря на то, что в живых они остались лишь чудом, оба вспоминали об этом с некоторой долей ностальгии. Но Лекс решил, что такая жизнь не для него, потому что, в отличие от Эйдриана, вступить в мафиозную семью он не мог. Лекс не имел сицилийских корней, что и закрывало ему дорогу в клан.

– Романтика есть, конечно, но на кой хрен она мне будет нужна, если меня пристрелят? – ухмыльнулся в ответ Лекс. – Выпить хочешь?

– Если только бокал виски, – махнул рукой Эйдриан. – Мне ещё к родным заезжать, не хочу, чтобы меня шатало по дороге.

Бармен налил себе и итальянцу по бокалу, и они выпили. Эйдриан в шутку упрекнул Лекса в том, что тот пьёт на работе. Лекс в свою очередь ответил, что не каждый день приходится увидеть старого друга. Эйд был приятно удивлён тем, что бармен по-прежнему считает его другом и, отсалютовав бокалом собеседнику, допил остатки виски.

– Как мама твоя поживает? – поинтересовался Лекс, тоже закончив со своим бокалом.

– Неплохо, – пожал плечами Эйдриан. – Вроде уже совсем отошла от смерти отца, даже говорить о нём теперь не отказывается.

– Сестрёнки как? Маленькая Диана уже ходит в школу?

– Ага, в третьем классе уж.

Лекс уже не в первый раз замечает, что Эйдриан непроизвольно начинает слегка улыбаться при мысли о своей семье, причём улыбаться искренне. Это была не злорадная ухмылка или гримаса наслаждения. Чистая, человеческая радость при мысли о том, что есть на свете люди, которые будут любить его несмотря ни на что, даже закроют глаза на преступную деятельность. Хотя, признаться, и мама, и сёстры (кроме Дианы, самой младшей, ей ничего не рассказывали) очень негативно относились к тому, чем занимается Эйдриан. Лекс не раз слышал от итальянца жалобы на то, что родня не может просто взять деньги, которые он им отдаёт, без лишних вопросов. С другой стороны, глупо сетовать на то, что твои родные предпочитают не связываться с криминалом.

– А Кандида и Сьюзан? – вновь спросил Лекс.

– Кандида в городском колледже учится, – ответил Эйдриан. – Сьюзан работает... хрен её знает, где она работает. С бухгалтерией что-то связано.

Эйдриан потихоньку подбирался к истинной цели встречи с Лексом, но он не мог просто так взять и сказать. Нужен какой-то повод, хотя бы малейший. Хотя бы мимолётное упоминание о Франции. И вот он его получил. За столиком неподалёку ирландцы достаточно громко говорили о том, что сегодня в бар заходил некий француз, вроде как, знакомый бармена.

– О каком это французе они говорят? – как бы невзначай спросил Эйдриан.

– Да так, заходил сегодня один, – будто нехотя ответил Лекс. – Не важно.

– Кстати говоря, – Эйд придал непринуждённый вид своему лицу. – Мне тут сорока на хвосте донесла, дескать, кто-то прикарманил денежки Голландца Шульца.

– Да ладно-ка? – удивился Лекс. – Кто-то ограбил Шульца? По ходу, он вообще с головой не дружит.

– Я это почему вспомнил-то, – продолжал итальянец в той же манере, доставая пачку сигарет. – Говорят, это сделал некий француз.

Вот тут Лекс буквально застыл на пару мгновений. Эйдриан с удовольствием отметил про себя, что в глазах бармена пробежало нечто, похожее на волнение, и чиркнул спичкой. Лекс тоже попросил сигарету.

– Француз, говоришь, – Лекс пытался говорить нейтрально, но Эйдриан заметил лёгкую дрожь в голосе собеседника. – Ты уверен?

– Да, ребята сказали, что акцент был очень сильным, – кивнул Эйдриан.

– И как давно это было? – вновь спросил Лекс, выпуская облако дыма.

– Пару месяцев назад, – ответил итальянец. Про себя он отметил, что бармен почти незаметно облегчённо вздохнул. – А, нет, тогда он только начал работать с Шульцем. А бабло стырил с месяц назад.

Лицо Лекса опять стало мрачным. Эйдриан нарочно сначала сказал неверную дату, чтобы понаблюдать за реакцией собеседника и не прогадал. Адам был прав насчёт бармена – он действительно знаком с Джоном Фонтейном.

Из-за нового приступа волнения Лекс задымил энергичнее обычного. Эйдриан ещё только добрался до половины, когда от сигареты бармена остался лишь окурочек. Эйд не мог припомнить, когда в последний раз курил с таким удовольствием, как сейчас. Итальянец был уверен, что Лекс оповестит француза при первой же возможности, и что-то Эйдриану подсказывало, что Фонтейн вернётся в это заведение очень скоро. Работы у французца нет, наниматься ни к одному из крёстных отцов он точно не будет – оба дона были в неплохих отношениях с Голландцем Шульцем – следовательно, Фонтейн попытает счастья у ирландцев, больше идти ему некуда. Ну а единственным местом, где он мог выйти на ирландского заказчика, был бар «Лайк ин Итали», так как Лекс наверняка уже всё разузнал про здешних посетителей и сможет помочь с работой. Где-то в глубине души Эйдриан надеялся, что француз станет работать на Бена Даумана, а какая-нибудь шальная пуля человека Кампанеллы его случайно заденет.

– Твою ж мать, – проговорил Лекс после короткой паузы. – Вот идиот.

– И не говори, – поддакнул Эйд, потушив сигарету в пепельнице. – Я бы на его месте свалил отсюда куда подальше. Можно было бы, конечно, и на дно залечь, но Шульц не из тех людей, что быстро сдаются.

Итальянец решил, что на сегодня с Фонтейна хватит и, попрощавшись с Лексом, через несколько минут покинул бар.

– Эйдриан!

Радостный возглас матери, Анжелики, и последующие тёплые объятия выдернули Эйдриана из мрачных мыслей о предстоящей встрече с ирландцами. Сейчас он находился, как будто, в другом мире, в котором не было ни грязи, в которую итальянец нырял с головой чуть ли не каждый день, ни криминала. Лишь семейная атмосфера, распространяющаяся, к сожалению,

нию, только на эту квартиру. На вопрос, дома ли сёстры, Анжелика ответила, что нет только Сюзан. Эйдриан тем временем протянул маме пачку денег.

– Эйдриан, не стоило, – скомкано проговорила Анжелика.

Итальянец привык к такой реакции. Она не менялась на протяжении нескольких лет. Мать никогда не могла спокойно взять деньги, которые зарабатывались незаконным путём. Эйдриан уже ловил себя на мысли, что сетовать на это глупо, Анжелика просто не хочет касаться того мира, в котором он уже по уши увяз. Эйд и сам был бы рад, если бы его родных это никак не задевало, но, к сожалению, это было невозможно. Разве что, Диана не знала о «работе» своего старшего брата, и на том спасибо.

– Мам, давай без этого, хотя бы один раз, – умоляющим тоном сказал Эйдриан. – Пожалуйста.

Оставив мать наедине с деньгами, итальянец направился в комнату, где играла младшая сестра. Увидев брата, Диана с радостным криком кинулась к нему. Эйдриан не упускал шанса взять её на руки, пока возраст это позволял, а сестра этим пользовалась. Поставив её на пол, итальянец полез за пазуху и достал оттуда небольшую куклу. Диана засияла и принялась благодарить брата за подарок. Эйд решил не мешать ей и вышел. Как только он прикрыл дверь, к нему на шею кинулась Кандида. Она выглядела старше своих девятнадцати лет, но стоило с ней хотя бы чуть-чуть пообщаться и становилось понятно, что Кандида только хочет казаться взрослой: в душе она бы с удовольствием позволяла себе быть ребёнком гораздо чаще, как при встрече со старшим братом.

Мать позвала Эйдриана к столу, когда вернулась его старшая сестра Сюзан. Во время обеда Анжелика старалась не говорить с сыном о его «работе», однако она не могла скрыть своего страха. Эйдриан не мог её за это винить, какая мать не будет переживать за своего сына? Анжелика уже смирилась с тем, что Эйд давно не мальчик и что он сам в состоянии о себе позаботиться. Но с чем она никогда не смирится, так это с родом деятельности. Эйдриан и тут мог её понять. Признаться, он сам переживал за родных не меньше, чем они за него. Страх того, что его враги будут использовать семью, как средство шантажа, был очень силен. Но вместе с тем, итальянец твёрдо решил для себя, что он убьёт каждого, кто причинит боль его семье.

Сам Эйдриан так же, как и его мама, не любил говорить с родными о том, чем он занимается. Если они будут знать слишком много, ничего хорошего из этого точно не выйдет. Но почти никто из семьи даже не заикался насчёт подробностей дел итальянца, и это его только радовало. Проще всего было, разумеется, с Дианой – она вообще не знала о криминальных делах брата. С его матерью особых проблем тоже не было. Анжелика просто не хотела этого знать. Она всегда говорила, что даже если узнает, то легче ей вряд ли станет.

Со старшей сестрой было посложнее. Сюзан была категорически против того, чем занимается Эйдриан. Когда он рассказал семье, что стал солдатом семьи Бользано, Сюзан во всей красе выразила своё удивление. Ссоры как таковой не было, но какое-то время сестра не желала видеть Эйдриана. Однако спустя примерно месяц Сюзан смирилась с тем, что её брат уже не изменит свой образ жизни. Она стала общаться с ним, как и прежде, но не упускала ни единого случая, чтобы напомнить Эйду о том, насколько опасно его занятие.

Из всей семьи только Кандида восхищалась жизнью гангстера, которую вёл Эйдриан. Итальянец был уверен, что на неё так повлияли бульварные романы³, которых сейчас было достаточно много. Эйду не нравились эти книжонки. Слишком много выдумок там печаталось. Хотя, попадались интересные работы, но и они были сильно приукрашены. Однако стоит заметить, что Кандида никогда особо и не верила бульварным романам. Но послушать о делах

³ Бульварный роман – жанр массовой литературы, повествовательные книги без художественного и культурного значения. Пишутся и издаются в расчёте на непритязательный вкус массового читателя, обычно содержат завлекательную интригу, полны занимательных эффектов, мелодраматизма, описаний преступлений и любовных приключений.

брата она очень любила. Эти рассказы приводили её в восторг, особенно если Эйдриан начнёт говорить об опасных моментах своей работы. В эти минуты она ещё больше становилась похожа на маленькую девочку. Реакция Кандиды была, по меньшей мере, удивительна. Если у матери в глазах пробегал ужас от этих историй, а Сьюзан пускалась в нравоучения (именно таким образом она скрывала свой страх), то у Кандиды загорались глаза при одном упоминании о стрельбе. Эйд много раз спрашивал, почему же она не переживает за него. Кандида отвечала: «Я бы, безусловно, переживала за тебя, если бы находилась рядом. А сейчас-то что толку переживать? Ты же жив и здоров».

Кандида была единственной, с кем Эйдриан свободно говорил о своей работе. Она была достаточно взрослой, чтобы помочь дельным советом, и не такая впечатлительная как Анжелика и Сьюзан. Кандида даже как-то раз пришла на помощь Эйдриану, когда мать и старшая сестра в очередной раз отчитывали его за незаконный доход. Дискуссию пришлось прервать из-за прихода Дианы, но последнее слово осталось за Кандидой.

– Ну, что интересного было? – с огоньком в глазах спросила Кандида, когда они с Эйдрианом остались одни в её комнате.

– Да ничего интересного, в основном плату собирал, – отмахнулся Эйд.

– Как это? У вас же какие-то «разногласия» с ирландцами, – вскинула брови сестра. – В газетах только об этом и пишут.

– В газетах пишут о семье Кампанелла, – просто ответил Эйдриан. – Мы предпочитаем в это дело не лезть. И так слишком много хлопот с теми же копами, не хватало ещё с ирландцами бойню устраивать.

– Но рано или поздно вас тоже в это втянут, – заметила Кандида. – Слово дона Бользано имеет немалый вес, как-никак.

Эйдриан усмехнулся про себя. Её догадки всегда оказывались близки к истине и сегодняшняя – не была исключением.

– Ну... тут ты попала в яблочко, – проговорил итальянец. – Босс хочет, чтобы я сегодня встретился с каким-то ирландцем. По ходу, Дауману надоело отстреливаться от Кампанеллы в одиночку.

Кандида резко поменялась в лице. Живой интерес сменился страхом, отчётливо отразившимся в её глазах. Она никогда не ужасалась, если брат рассказывал о перестрелках или драках. Но когда Эйдриан говорил об опасном деле, на которое ему ещё только предстоит пойти, Кандида реагировала точно так же, как Анжелика и Сьюзан.

– И ты пойдёшь? – чуть ли не дрожащим голосом спросила она.

– Да меня, понимаешь ли, никто и не спрашивал, – усмехнулся Эйд. – Босс говорит – я выполняю.

Взволнованность сестры передалась и ему. Эйдриану захотелось перекурить, и он распахнул окно. Он никогда не понимал, как именно сигарета помогает справиться с волнением или мрачными мыслями. Да ему было всё равно по большей части. Некое облегчение после сигареты не что иное, как обычная зависимость от табака.

– Дай мне тоже, – попросила Кандида, видя, что Эйдриан достаёт свою пачку.

– Курить – здоровью вредить, – ухмыльнулся итальянец, протягивая ей сигареты.

– Не тебе мне об этом говорить, – парировала сестра, подходя к окну.

Эйдриан достал спички, закурил, потом поджёг сигарету Кандиде. Эйд заметил, что сестра не затягивается – просто заполняет дымом рот и выдыхает. Вспоминая, что и он когда-то так же начинал, итальянец наполнил свои лёгкие дымом до краёв и медленно, с наслаждением выдохнул.

– И что ты будешь делать? – спросила Кандида и, наткнувшись на удивлённый взгляд брата, добавила. – Ну, когда встретишься с этим ирландцем.

– Узнаю, чего он хочет, – ответил Эйд, вновь затягиваясь. – Потом боссу доложу, а он уже решит, как поступать дальше.

– Не думаешь, что это ловушка? – вновь задала вопрос сестра и тоже затянулась.

– Не-а, – покачал головой Эйдриан. – Зачем ирландцам ещё один враг? Я уверен, что им Кампанеллы вполне хватает. Этот сукин сын умеет доставить людям неприятности. Я всё-таки думаю, что они просто хотят заручиться поддержкой дона Бользано. Наивные.

Итальянец был уверен, что дон Бользано не выступит против Кампанеллы. И дело не в численном превосходстве, тут оба дона были примерно на равных. Это было бы немислимо, если бы один из итальянских боссов начал войну против другого. Но в то же время, Эйдриан не отрицал, что между двумя крёстными отцами возникали кое-какие трения. Невозможно было точно сказать: кто прав, а кто виноват. Признаться, они оба друг друга стоили.

– Тебя ведь не только ирландцы волнуют? – резко сменила тему Кандида. – От тебя две недели вестей не было.

– Да так, – отмахнулся Эйд. – Есть там одно дело.

– Я надеюсь, это никак не связано с Джоном?

– С каким, нахрен, Джоном? – недоумённо спросил Эйдриан и выбросил окуроч в окно.

– С Джоном Фонтейном.

«Так, одной сигаретой тут не отделаться», – мысленно произнёс итальянец и вновь достал пачку. Он не хотел, чтобы сестра знала. Хотя она и таяла от «гангстерских» баек, сама в них влезать, отнюдь не торопилась.

– Эйдриан? – позвала Кандида, прерывая несколько затянувшееся молчание.

– Почему тебя беспокоит этот ублюдок? – спросил в ответ Эйд, поджигая сигарету.

– Он меня не беспокоит, я просто не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал, – бесстрастно ответила сестра, выкинув свой окуроч.

– Даже такая мразь, как Фонтейн? – вскинул брови итальянец.

– Да, даже он, – резко сказала Кандида.

– Не понимаю я тебя, – Эйд затянулся в последний раз и вышвырнул второй окуроч. – Он же тебя кинул, как шалаву последнюю.

– Я просто не хочу, чтобы ты убивал человека из-за меня.

«И всё-таки, женщины намного добрее мужчин», – подумал Эйдриан. Но сам он чувства сестры не разделял. Семья – это самое дорогое, что у него было, и Эйд никому не позволял причинить вред своим родным. Едва он услышал о том, как Джон Фонтейн обошёлся с его сестрой, итальянец был готов пристрелить подонка на месте. Эйдриан был уверен, что никогда не сможет понять: почему сестра отговаривает его от мести.

– Расслабься, я не буду его убивать, – итальянец постарался придать голосу безразличный тон, но не был уверен, что у него это получилось. – По своей воле.

– Я хочу, чтобы ты его ни при каких обстоятельствах не убивал, – так же резко говорила сестра.

– Босс прикажет – убью, – пожал плечами Эйдриан.

Кандида посмотрела на него с укором, но итальянца это не задело. Больше всего на свете Эйду хотелось заставить страдать человека, принёсшего боль его семье. Уговоры сестры на него не влияли, мысли о мести Фонтейну никуда не девались. Рано или поздно француз заплатит сполна, хочет Кандида этого или нет.

Эйдриан покинул квартиру матери, когда времени оставалось немного, как раз на дорогу до ресторана. Поймав такси и заплатив водителю заранее, Эйдриан стал пристально смотреть в окно. Внезапно пришли мысли о Сандре. Он не задавался вопросом о том, как она поговорила с Фонтейном. Он думал: в порядке ли она, не случилось ли с ней что-нибудь, потому что Эйд сильно сомневался, что француз будет подвозить её до дома, увидев с другим. И эти мысли

пугали итальянца. Он был уверен, что не попадётся в сети этой девушки. Но всё вышло не так, как он планировал, и это могло создать серьёзные проблемы.

Уже входя в ресторан «Британс делишес», Эйдриан сразу начал осматривать помещение. Увидев человека в тёмных штанах и слегка запачканной светло-синей рубашке, Эйд сразу понял, что это нужный ему ирландец. Его одежда была слишком бедна для этого заведения. Ирландец был среднего роста, слегка полноватый, русоволосый. Особое внимание итальянца привлёк след от укола на левой щеке. Эйдриан сел к нему за стол.

– Ты человек Даумана? – спросил Эйд ирландца.

– Да, – изумлённо ответил тот. – Как ты меня узнал?

– Такие люди, как вы, обычно проводят время не здесь, – ответил Эйдриан, скептически осмотрев одежду ирландца.

– Ты ведь знаешь цель моего визита? – без отступлений спросил ирландец, что сразу понравилось Эйдриану.

– Знаю, – ответил итальянец, приготовившись к решающим переговорам между бандой Бена Даумана и семьёй Бользано.

Я за него

Мэдиссон-Авеню

13 сентября, 11:47

День ещё только начался, а Рэю уже вновь пришлось вытаскивать Теренса из очередного конфликта. О'Коналл уже в который раз задавался вопросом: почему же Теренс Смит не может сохранять спокойствие? Разумеется, вслух Рэй это ни разу не говорил, так как это было чревато неприятными последствиями. С тех пор, как «макаронники» стали открыто отстреливать ирландцев, настроение Смита было либо плохим, либо отвратительным. Поначалу Рэй был уверен, что Теренс теряет самообладание только в особых случаях, однако со временем мнение О'Коналла кардинально изменилось. Возможно, ключевую роль тут сыграли практически регулярные нападения итальянцев.

С тех пор, как Рэй вступил в банду Бена Даумана, отношения между ирландцами и итальянцами с каждым днём накалялись всё больше. Кое-кто в банде думал, что чёрная полоса началась из-за прибытия в их ряды новичка, но Дауман всегда затыкал тех, кто осмеливался произнести эти мысли вслух. О'Коналл заслужил расположение босса непосредственным участием в захвате бара «Лайк ин Итали». Босс даже поговаривал, что без Рэя ничего бы не вышло, и что он только рад вступлению в их ряды такого новичка.

Теренс был того же мнения до поры до времени. В какой-то момент их отношения резко поменялись. Смит был возмущён тем, что новичок так быстро заручился расположением босса. Самому Теренсу пришлось не один год работать в поте лица, чтобы Дауман стал доверять ему ответственные дела. Рэю же на всё это с лихвой хватило одной недели, если не считать предшествующую этому полугодовую работу мальчиком на побегушках. День за днём зависть постепенно стала главным чувством Смита по отношению к Рэю.

Кроме того, Рэй сам подливал масла в огонь, когда пытался утихомирить Теренса. О'Коналл сам не заметил того, как стал чувствовать себя на равных со Смитом, хотя у последнего за спиной было гораздо больше опыта. Однако же Теренс время от времени признавал, что перегибает палку. Но это самое понимание зачастую приходило много позднее. Когда Смит был на взводе, ему не очень-то хотелось выслушивать то, как недавний новичок ставит его на место.

Несмотря на всё это, Теренс и Рэй забыли все свои претензии друг к другу. Дауман вызывал их к себе для какого-то важного разговора, и ссориться сейчас было абсолютно не к месту. Босс просто так звать не будет, оба ирландца знали это. В последний раз Бен вызывал их обоих, когда банда шла на захват бара «Лайк ин Итали». Пальба, которая не прекращалась на протяжении всей операции, унесла не одну жизнь. Итальянцы, конечно, пострадали больше, однако учитывая общее количество «макаронников», для них это не очень большая потеря. Несмотря на то, что итальянцы могли вернуть себе бар, он пока оставался за ирландцами.

– Как думаешь, зачем мы нужны Дауману? – спросил Рэй. Они уже ехали к боссу, и О'Коналл решил немного разрядить обстановку.

– Понятия не имею, – сухо ответил Теренс. – По любому нужно с каким-нибудь дерьмом разобраться. Другого повода вызывать к себе у него не бывает.

Рэй отчётливо понял, что разговаривать его напарник поневоле был не намерен. Но это О'Коналла не остановило.

– Я, кстати, даже догадываюсь с каким, – продолжал Рэй.

– Да что ты говоришь? – без особого энтузиазма удивился Смит.

– Твой пофигизм меня убивает, Терри, – вздохнул О'Коналл. – Мы теряем людей, а тебе срать с высокой колокольни.

– Ты чё-то совсем оборзел, – проговорил Теренс, доставая сигарету.

– Не просто так, знаешь ли, – парировал Рэй, тоже доставая курево.

Оба затаились практически одновременно. Рэй действительно обвинял Теренса не на пустом месте. С тех пор, как Дауман сделал его хозяином бара, Смит практически не интересовался делами банды и никак в них не участвовал. В отличие от него, Рэй хотел лишний раз доказать боссу свою полезность, однако Дауман, видимо, думал, что с О'Коналла пока хватит, до сегодняшнего дня.

Теренс явно злился на напарника, но с каждым вдохом табачного дыма он становился спокойнее. Смит даже в какой-то мере осознавал правоту Рэя, но он скорее вышел бы один против отряда итальянцев, чем признался бы в этом даже самому себе.

– Ты в курсе вообще, что итальянцы расстреляли Мёрфи и О'Салливана? – спросил Рэй и выдохнул дым в окно.

– В курсе, – буркнул в ответ Теренс. – И не особо о них сожалею. Никак в толк не возьму, как эти болваны продержались в банде два года.

О'Коналл был немало удивлён таким ответом. Он почему-то был уверен: уж кого-кого, а Теренса всегда расстроит смерть своих товарищей.

– А Маккарти, Линч, Дойл, – гнул своё Рэй. – Слышал про них?

По лицу Теренса было ясно, что об этом он не слышал, и О'Коналл про себя ухмыльнулся. Одно дело, когда Рэй неосознанно ставит себя на равных с напарником, и совсем другое – доказывать свою правоту.

– Итальянцы подорвали тачку, в которой они сидели, – объяснил О'Коналл. – Личности убийц не установлены.

Смит зло посмотрел на собеседника и швырнул выкуренную лишь наполовину сигарету в окно.

– А о семье Уилсона знаешь?

– Уилсона? – переспросил Теренс с нотками испуга в голосе.

– Ага, – кивнул Рэй. – Пару дней назад его вместе с семьёй накрыли «макаронники» в ресторане. Но сразу они их не убили, – О'Коналл не торопился с подробностями. – Привезли на какую-то заброшенную фабрику, а потом на глазах Уилсона поочерёдно расстреляли двоих его детей, жену и, наконец, его самого.

Договорив это, Рэй выкинул окурочек. Смит сидел вроде спокойно, но было заметно, что внутри он негодует. Его плавнодвигающиеся скулы и яростный огонь в глазах свидетельствовали об этом. Плюс ко всему он потянулся в карман за второй сигаретой. Рэй почему-то был уверен, что она не поможет Теренсу справиться с осознанием того, что тот действительно бездействовал, пока остальные ирландцы отдавали свои жизни. Но сигарета хотя бы помогла ему чуть-чуть успокоиться. Приезжать к Дауману на взводе было ни к чему.

Всё же, одну вещь Рэй осознавал не хуже Теренса. Отчего-то Дауман уважал новичка, что было, по меньшей мере, необычно. Теренса тоже можно было понять, он-то добивался высокого уровня доверия не один год. Хотя Рэй всё-таки пришёл к мнению, что сейчас совсем другие времена. То, что творится в банде сейчас, даже смысла нет сравнивать с тем, что происходило хотя бы год назад. Правда, уже тогда итальянцы активно внедрялись в криминальный мир, но таких яростных схваток ещё не наблюдалось.

Дауман ждал своих людей у себя дома. Сейчас стало довольно опасно ходить одному. Хотя человек в положении Бена никогда не мог считать себя застрахованным от нападений, сейчас таких ситуаций стало гораздо больше. Но стоило учитывать ещё один факт: людей у Даумана было не так уж много. Именно поэтому он считал, что пары телохранителей ему будет достаточно. Пока этим ребятам удавалось отрабатывать свою зарплату без особых проблем. Видимо люди Кампанеллы не торопятся окончательно прижимать одного из самых влиятельных ирландских боссов, несмотря на то, что связи его постепенно становятся всё менее прочными.

Рэй ещё ни разу не был в доме босса. Ему всегда было интересно узнать, как живут люди, добившиеся высокого положения, но возможности не предоставлялось до сегодняшнего дня. Почему-то резиденция Даумана представлялась в виде роскошных апартаментов, одновременно являющаяся неприступной «крепостью». На деле всё оказалось почти так.

Дом Бена Даумана находился в южной части Бронкса. За каких-то пятнадцать минут ирландцы доехали до босса, и Рэй стал с любопытством рассматривать дом, около которого Теренс затормозил. Шикарный двухэтажный особняк, окружённый небольшим садом, состоящим из поляны и нескольких деревьев. Сам дом был грязно-белого цвета с тёмной покатой крышей. Рэй даже представить боялся, сколько всё это стоило. Наверняка не один груз спиртного компенсировал этот особняк.

Внутри всё было обставлено шикарно. В обширной гостиной стоял длинный диван и пара кресел с кожаной обивкой. Паркетный пол был отполирован до блеска. У стен стояло несколько шкафов с бутылками дорогого алкоголя. По крайней мере, по мнению Рэя выпивка должна быть дешёвой, как-никак Дауман был главой ирландской банды.

Один из телохранителей указал на диван и дал понять, что Бен скоро придёт. Рэй и Теренс присели на диван, и Смит стал бесцельно смотреть на картину, висевшую напротив него. Посмотрев на неё, Рэй до самого прихода босса бился над единственным вопросом: что же это такое? Если бы его попросили описать то, что изображено на этой картине, то О'Коннелл вряд ли нашёл бы подходящие слова, по крайней мере цензурные. Какое-то разноцветное месиво, яростно переплетающееся между собой, но всё же как-то умудряющееся сложиться в целостную композицию. Пожалуй, слово «мазня» было наиболее подходящим для этого произведения искусства, по мнению Рэя.

Глядя на Теренса, можно было быть уверенным, что в его голове происходит точно то же самое. Хотя Рэй сомневался, что он смог бы описать картину без брани в адрес художника и самой композиции, а может даже и родственников художника. Если Рэй смотрел на картину с неким недоумением, то Смит скорее задавался вопросом, как на такое можно было потратить больше доллара.

И вот спустя несколько минут, Дауман, наконец, спустился со второго этажа. Теренс тут же повернулся в его сторону и встретил босса вопросом:

– Это что за хренотень?

– Что, нравится? – усмехнулся Бен. – Футуризм, будь он проклят.

– Ты в этом разбираешься? – скептически поинтересовался Рэй.

– Рехнулся что ли? – хохотнул Дауман. – Чтобы я хоть что-то в этой мазне понимал? Да ни за что. Жена моя искусство любит. Хотя я лично не могу понять, с какого хрена ЭТО называется искусством.

Бен достал из шкафа бутылку виски, три бокала и приземлился в одно из кресел. Он налил каждому выпить, и все трое чокнулись.

– Вот скажите, друзья мои, – продолжал Дауман, отпив немного виски. – Вы видите здесь неизбежность деградации человечества, при современном нравственном разложении общества?

Рэй и Теренс недоумённо переглянулись и одновременно выпили по половине бокала.

– Ты сам-то понял, что сказал? – спросил Смит.

– Вот именно, – кивнул Дауман и допил остаток напитка. – Но Лоре нравится, говорит мол «ты ничего не понимаешь».

– Его жена, – коротко ответил Теренс на недоумённый взгляд Рэя.

Когда Рэй допил остаток своего виски, Бен решил, что настало время перейти к делу.

– Есть для вас одно важное дело, – начал Дауман. – У нас остаётся всё меньше людей, а тех, кому я могу доверять, вообще почти не осталось. Пора с этим что-то делать.

Для Рэя время на какой-то момент остановилось. Услышать от босса, что он входит в число доверенных лиц, было за пределами его мечтаний.

– Поясни-ка, – попросил Теренс.

– Мы не справимся с итальянцами, – ответил Дауман. – Они нас делают. Во всех отношениях.

– Чего? – возмущённо переспросил Теренс. – С хрена ли они нас делают? Если бы они нас, как ты говоришь, «конкретно делали», мы бы сейчас не сидели бы здесь и не разговаривали бы спокойно.

– Угу, – саркастично кивнул Бен. – А ты давно выглядывал из своего грёбаного бара? Пока ты там приказывал каждую пылинку вылизывать, наших людей пачками отстреливали макаронники. И я сейчас не только про нашу банду.

Рэй был полностью на стороне босса. С тех пор как банда Даумана захватила итальянский бар, Кампанелла открыл настоящую охоту на всех ирландцев, состоящих в какой-либо банде. Итальянского дона в последнюю очередь волновало, состоит ли убитый им «трилистник» в команде напавшего на «Лайк ин Итали» Даумана, Кампанелла убивал всех ирландцев без разбора.

– И ты туда же, – сердито вздохнул Теренс. – Сначала О'Коналл, теперь ты ещё.

– Не забывайся, мой дорогой, – осадил его Дауман. – Ты разговариваешь не с оборванцем-карманником с соседнего квартала.

Смит в ответ поджал губы и устремил свой взор в окно.

– А О'Коналл правильно тебе говорит, – продолжил Бен. – Не удивляйся, что у него подняться в моих глазах получилось быстрее.

Слова босса согрели гордость, но открыто злорадствовать Рэй не посмел. Как-никак, уважение к Теренсу всё ещё осталось, несмотря на то, что в последнее время он откровенно халтурил.

– Итак, возвращаясь к делам текущим, – объявил Дауман. – С итальянцами нам не справиться, по крайней мере, в одиночку.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовался Рэй.

– Мы должны встретиться с доном Бользано.

О'Коналла это заявление немного шокировало. Он ожидал какого угодно решения, вплоть до ответного нещадного истребления итальянцев. Но слова босса заставили Рэя удивиться. Ирландцы никогда не работали с итальянцами. Правда и тут бывали исключения. Но, в случае с Беном Дауманом, ни о каких исключениях и речи быть не могло. «Макаронники» ни за что на свете не станут вести дела с человеком, банда которого убила больше двух десятков членов мафиозной семьи.

Взгляд Теренса тоже не говорил о высокой вере в идею босса. Оспаривать он его пока не спешил, однако всё равно было очевидно, что Смит категорически против этой затеи. И это было неудивительно. Именно из-за его конфликта с Джонни и вылилась теперешняя тяжёлая ситуация банды. Попадись он итальянцам, они бы его просто так не убили. «Макаронники» были известны своей жестокостью по отношению к людям, которые особенно сильно досадили их кланам. Конечно, эта жестокость не может равняться с той, с которой сталкиваются люди, нарушившие омерту⁴. Теренс был наслышан о способах казни, которым подвергались безумцы, осмелившиеся пойти против кодекса чести итальянской мафии.

– Ты хоть понимаешь, насколько дико это звучит? – Теренс всё-таки решился нарушить минутное молчание. – Мало того, что нас свои за это камнями закидают, так ведь и итальяшки ни за что не будут нас слушать.

⁴ Омерта – кодекс чести мафии.

– Да, они скорее нас изрешетят пулями на месте, – согласился Дауман. – Но так поступит только дон Кампанелла.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Рэй. Он доверял своему боссу, потому что пока ему не предоставлялось случая усомниться в Бене. Однако сейчас О'Коналл полностью разделял непонимание Теренса. Идти на сделку с итальянцами было полнейшим безумием.

– Не знаю, в курсе вы или нет, но Бользано и Кампанелла никогда не были приятелями, – Дауман решил начать издали, подлил ещё виски в бокалы и глотнул. – Нейтралитет они, разумеется, всегда сохраняли, но никто не мог сказать, что эти два итальянских дона являются друг другу больше, чем просто знакомыми.

Однако это никогда не мешало устраивать им друг другу подлянки. То один у другого бордель втайне перекупит, то второй у первого ящик бухла стырит и всё в таком духе. У меня, вообще-то, даже сомнения возникали, кого они считали главными врагами – нас или друг друга. Сейчас у них особенно напряжённая обстановка, причём из-за нас. С одной стороны, Кампанелла требует от Бользано сотрудничества, дескать, семьи должны помогать друг другу. Но с другой – Бользано даже не думает что-либо делать. Слишком много дерьма они друг другу сделали. Я даже думаю, что Кампанелла сам ни за что не помог бы Бользано. Более того, он бы нам негласную помощь оказывал, чтобы избавиться от конкурента, при этом, не замарав руки.

– Ага, я, кажись, начинаю понимать, к чему ты клонишь, – проговорил Рэй.

– Я тоже, но участвовать в этом не собираюсь, – тон Теренса давал понять, что своего мнения он менять не намерен, и залпом осушил бокал.

– Терри, ты понимаешь, что я тебя не за этим сюда звал? – спросил Бен, но ответа и не требовалось. Смит всё прекрасно понимал, но он был по-прежнему непреклонен.

Рэй отчасти понимал Теренса. Идти на переговоры с теми, с кем сражался в течение не одного года, было очень нелегко. Но всё же О'Коналл был на стороне Даумана. Помощь им была необходима, а взять её было неоткуда. Босс высказал правильную мысль насчёт вражды между мафиозными кланами. Правда, Рэй всё-таки сомневался, что итальянцы станут их слушать. Пусть даже ирландцы и не досаждали семье Бользано.

– Не уверен, что макаронники станут нас слушать, – высказал свои мысли вслух Рэй и тоже взял бокал с виски.

– Вот-вот, – кивнул Теренс.

– У них нет причин нас ненавидеть, – ответил на это Дауман. – Тем более, они уже согласились.

– Да ладно? – вскинул брови Смит. – Это, конечно, охренительно, но я всё так же против.

– Теренс, хорош тут выпендриваться, – вскипел Бен. – Ты реально не понимаешь, что без хоть какой-то поддержки нам настанет кабздец?

– Иди-ка ты нахер, Бен, с такими планами, – махнул рукой Теренс и допил виски.

– Слушай сюда, засранец, – начал было Дауман. – Я тут не собираюсь умолять тебя на коле...

– Босс!!! – Бена прервал громкий крик одного из телохранителей.

За окном послышался какой-то шум и негромкий рёв автомобильного двигателя. Подозрительный взгляд телохранителя обеспокоил Рэя. Дауман тоже ничего не понимал, но обстановка ему уже не нравилась. Спустя несколько секунд с верхнего этажа спустился рыжеволосый человек с дробовиком в одной руке и винтовкой в другой. Помимо этого за спиной у него ещё висела снайперская винтовка. Он кинул дробовик Рэю. Тот поймал его на лету, догадываясь, что приехали не друзья.

Внезапно минутную тишину разорвал одиночный выстрел и лязг разлетевшихся вдрызг осколков стекла. Телохранитель Даумана, стоявший ближе всех к окну, тяжело рухнул на пол с дырой в правой части лба.

– Сукин с...

Конец ругательства Бена потонул в грохоте выстрелов. Все лицевые окна особняка практически одновременно взорвались осколками, а на стенах мигом нарисовались следы от пуль. Рэй пригнулся и рванул к ближайшему лицевому окну, от которого осталась одна рама. Подойдя вплотную к косяку, Рэй тут же выстрелил в направлении чёрной машины, вокруг которой стояли люди. Теренс встал с другой стороны от окна с винтовкой в руках и пальнул вслед за Рэем. Вскрики оттуда давали понять, что один из ирландцев попал.

Дауман поспешил на второй этаж под прикрытием двух своих ребят, один из которых, тот, что рыжий, сопроводив босса до конца лестницы, вернулся и встал у соседнего окна. Рэй вновь выстрелил из дробовика вслепую и передёрнул цевьё. Светить головой у окна он не решался. Теренса, однако, это беспокоило явно не в первую очередь – он успевал даже прицелиться, но попасть у него не получалось. Слышались лишь рикошеты пуль, либо звяканье свинца о корпус машины.

Выстрелы с противоположной стороны доносились в разы, если не в десятки раз, чаще, чем из особняка. Казалось, что они даже не целятся в людей, а стараются разрушить как можно больше предметов. И у них это неплохо получалось: каждая пуля, каждый осколок стекла, каждая дробинка отчётливо виднелась на когда-то идеальной поверхности паркетного пола и белёных стен. Лично Рэю было абсолютно наплевать, сколько ещё следов разрушения противники нанесут этому дому, пока стены защищают его от пуль.

После ещё двух, наверняка неудачных, выстрелов вслепую, Рэй решил, наконец, высунуться. Насколько он мог судить, людей меньше не стало, но плохое состояние обеих машин было видно отчётливо. Возможно, автомобили их и сдвинутся с места после поворота ключа, но далеко ли они уедут на транспорте в таком плачевном состоянии? Рэй спустил курок, тут же словив мощный толчок в плечо. Широко разлетевшаяся дробь охватила большую область, в которую попал и один из нападавших. Несколько осколков застряли в его груди, и он с громким воплем скрылся за машиной. Рэй быстро провёл цевьём вдоль ствола и вновь нажал на спусковой крючок, но оружие издало лишь глухой щелчок. Быстро вернувшись за своё укрытие, О'Коналл хотел было уже лезть за своим револьвером, но внезапно услышал свист. Обернувшись на звук, Рэй увидел, как рыжеволосый катнул в его направлении небольшую коробку. Уже догадавшись, что там патроны, О'Коналл резко поднял коробку и постарался как можно скорее зарядить пустой дробовик.

Теренс, видимо, заранее побеспокоился о боеприпасах, потому что он стрелял, практически не отвлекаясь. Рэй даже не замечал, чтобы он хоть раз достал новые патроны. Пока О'Коналл заряжал свой дробовик, Смит успел уложить одного за другим трёх врагов. Ещё два вскрика было со стороны рыжеволосого.

Неожиданно откуда-то сверху свалилась винтовка. Надеясь, что Дауман не пострадал, Рэй перебежал к рыжему ирландцу и стал помогать пальбой ему. Удачный выстрел пришёлся только на четвёртый патрон, который, как оказалось, был последним. Раненый враг, схватившись за плечо, пригнулся за машиной. Последний противник тоже присел, не желая прощаться с жизнью так скоро. Рыжеволосый спустил остаток боеприпасов на стрельбу по машине и начал перезаряжаться, оставаясь на виду. Это была последняя ошибка в его жизни. Когда он уже передёрнул затвор, ему в середину груди прилетела пуля. Издавая сдавленный хрип, рыжий отполз от окна ближе к стене, выронив снайперскую винтовку.

Истратив последний патрон с дробью в молоко, Рэй подобрал заряженную винтовку и замер, в ожидании окончания стрельбы. Теренс, по-прежнему стоящий у соседнего окна, увидел, что соратник завладел снайперским оружием, и загнал беспорядочной стрельбой противника за укрытие. Как только враг пригнулся, Рэй, не скрываясь, выглянул из окна и взял на прицел место, откуда только что виднелся нападавший. Задержав дыхание и стараясь унять дрожащие руки, Рэй в течение нескольких секунд наблюдал за пустым местом, готовый в любой момент выстрелить. Однако противник показался немного в стороне от предыдущего места.

О'Коналл быстро переместил прицел на врага и спустил курок. Голова нападающего дёрнулась назад с образовавшейся дырой на лице, и уже мёртвое тело рухнуло на спину.

Рэй облегчённо выдохнул. После каждой схватки он чувствовал себя совершенно истощённым. Понятное дело, во время стрельбы думать об этом не приходится, но это состояние ему не нравилось. Рэй чувствовал себя абсолютно незащищённым. Теренс тоже отошёл со своей позиции и подошёл к Рэю.

– Ты в норме? – спросил он.

– Ага, порядок, – ответил О'Коналл.

Сразу после этого он вспомнил про рыжеволосого и обернулся к стене, к которой тот отполз. Рыжий сидел, опершись о стену без признаков жизни. Место, куда попала пуля, окружало большое кровавое пятно, пропитавшее одежду насквозь. Пустые глаза бесцельно смотрели вперёд. Даже кровь больше не текла. Сомнений не было – этот парень уже мёртв.

– Твою мать, – негромко произнёс Рэй. – Трое.

– Против восьмерых, – бесцветным голосом ответил Теренс и направился к лестнице.

Вдруг раздался громкий выстрел, и Смит с воплем повалился на пол. На правой части его спины образовалась красная точка, постоянно увеличивающаяся в диаметре. Рэй тут же забыл про своё состояние, метнулся назад к окну и направил винтовку к вражеским машинам. В прицел он увидел последнего врага с окровавленной рукой, который передвигал затвор оружия здоровой конечностью. О'Коналл, не теряя времени, выстрелил, пробив ему череп навылет. После этого Рэй бросил винтовку и поспешил на помощь Смигу.

– Вот ублюдок, – прошипел Теренс сквозь зубы. – Стоило мне отвернуться, так сразу палят в спину. Грёбанные итальяшки.

– Итальяшки? – переспросил Рэй, отрывая подвернувшуюся под руку занавеску.

– Ну а кто ещё? – раздражённо ответил Смит. – Аккуратнее, мать твою!

Рэй осознал, что он ненароком задел то место на теле, куда вошла пуля. Кровь текла без остановки и, как бы Теренс не пытался это скрыть, было видно, что рана очень серьёзная. Даже сквозь сомкнутые челюсти были слышны тяжёлые вздохи. Рэй был уверен, что будь Теренс менее гордым, крикание было бы гораздо громче.

Когда О'Коналл закончил перевязывать рану занавеской (наверняка очень дорогой, но Рэй надеялся, что Дауман поймёт и простит), и поток крови несколько ослаб, с лестницы спустился босс ирландцев с одним телохранителем. Отъехавший назад затвор Кольта давал понять, что Бен помогал по мере возможностей, истратив все патроны в пистолете. Босс бегло оглядел комнату, остановив взгляд лишь на теле рыжеволосого. Увидев Теренса полусогнутым посреди комнаты, Дауман вышел из оцепенения, с которым осматривал место схватки.

– Вот дерьмо, – произнёс он после паузы и посмотрел на своего последнего человека. – Отвезём его в больницу. Нашего человека не будем искать, не дотянет. Бабок за молчание жалеть не будем, я не хочу его терять.

– Боишься, что некому будет задницу тебе подтирать? – усмехнулся Теренс и сразу зашёлся в небольшом приступе кашля. Рэй подошёл к нему и позволил опереться на себя.

– Заткнись нахрен, – раздражённо отмахнулся Дауман. – С этим О'Коналл прекрасно справлялся в последнее время, так что не из-за этого боюсь, – он широкими шагами направился к выходу. За ним следом пошли остальные ирландцы.

Теренс шёл медленно. Рэй буквально чувствовал, что каждый шаг отдаётся в его рану. Три ступеньки, которые соединяли крыльцо с асфальтом, дались Смигу особенно тяжело. Он даже не стеснялся корчиться, особенно когда приземлялся на правую ногу. Пока они спускались, к крыльцу уже подъехал «Паккард», и Дауман открыл заднюю дверь.

– Ты не с нами, – коротко бросил Бен, видя, что Рэй хочет залезть в машину вслед за Теренсом.

– Почему это? – удивился в ответ О'Коналл.

– Ты поедешь на встречу с итальянцами.

– Я?

– Слушай, времени у нас нет, Теренс умирает. Это не обсуждается.

– Погоди, но почему я?

– Я думал заставить Теренса, теперь у сукиного сына появилась железная отмазка. Кроме тебя некому. Этого чурбана, – Бен указал на телохранителя, севшего за руль. – Посылать бессмысленно, он только стрелять умеет.

– А что мне им говорить-то хотя бы? – Рэй никак не мог опомниться от навалившейся на него ответственности. Он понимал, что счёт сейчас идёт на секунды, но просто взять и пойти на встречу с врагом он никак не мог.

– Сделай всё, что сможешь, чтобы склонить их на нашу сторону, – Дауман договаривал это, уже садясь в машину. – Это всё что от тебя требуется.

– Всего-то, – буркнул Рэй.

– Я, конечно, дико извиняюсь, – подал голос Теренс. – Но мне срочно нужна грёбаная медицинская помощь.

– Всё, погнали, – скомандовал Дауман. – Встреча в девять в ресторане «Британс делишес». Попробуй только опоздать, – и «Паккард» поехал прочь от обстрелянного особняка.

Рэй простоял в смятении ещё пару минут. Такого поворота он не ожидал. Мало было перестрелки, в которой его запросто могли ранить вместо Теренса, так теперь ещё и с итальянцами говорить придётся ему. О'Коналл понимал, что кроме него действительно некому, но и он был далеко не лучший кандидат. По крайней мере, он сам себя так оценивал.

Рэй обернулся на дом в последний раз и пошёл к выходу. По пути он мельком глянул на машины, на которых приехали нападавшие итальянцы. Дыр от пуль там было просто немеряно, а больше половины пролетели насквозь. Оставалось загадкой, как итальянцы оставались в живых за таким ненадёжным укрытием. Сами трупы врагов лежали прямо за автомобилями, щедро окрасив траву вокруг себя в красный цвет. В горле О'Коналла образовался комок, который он, хоть и с трудом, но проглотил. Уже не в первый раз он видит мёртвых. Ко всему можно привыкнуть, но лично Рэю не хотелось мириться с мыслью о том, что трупы вызывают у него всё меньше отвращения. Он постепенно превращался в машину для убийств.

«А разве это плохо?» – пронеслась внезапная мысль. Если подумать, то в этом действительно больше пользы, чем вреда. Но, тем не менее, от этого становится слегка жутковато.

Около шести часов Рэй уже был на Манхэттене. До встречи оставалось чуть больше трёх часов, а ирландец всё ещё не знал, где находится ресторан, в котором ему предстоит встретиться с итальянцем. По крайней мере, Рэй надеялся, что тот, с кем у него назначена встреча, тоже будет один.

О'Коналл решил отправиться к Лексу. Бармен жил в Америке всю жизнь, наверняка сможет помочь. Но был один нюанс, который чуть-чуть смущал Рэя. Лекс не очень любил ирландцев. Причина была ясна – кровавый захват бара наверняка ещё долго не выйдет из памяти бармена. Однако стоило заметить, что с О'Коналлом Лекс обращался вполне сносно, даже в какой-то степени дружелюбно, так что надежда была.

У самых дверей Рэй чуть не налетел на человека, выходящего из бара. Ирландец поспешил извиниться, прежде чем узнал его.

– Джон? – произнёс Рэй. – Извини, я тебя не заметил.

– Да ладно, бывает, – бросил в ответ Фонтейн.

– Ты с Лексом болтать приходил?

– Да, мы с ним кое-какие дела обговорили.

– Ага, значит он на месте, – проговорил Рэй. – Это хорошо.

– Ладно, мне надо идти, работа не ждёт, – бегло сказал Джон и поторопился удалиться. – Увидимся.

– До встречи, – попрощался О’Коналл, хотя Фонтейн его наверняка уже не слышал.

Зайдя внутрь, Рэй увидел бармена на своём месте. Обрадованный тем, что застал его, ирландец широкими шагами направился к барной стойке.

– Привет, Лекс, – поздоровался О’Коналл и сел на стул.

– И тебе не хворать, – отозвался бармен. – Если тебя Теренс прислал, то будь другом, скажи, что с бухлом всё в порядке и за счёт заведения я его никому не наливаю.

– Сказал бы без проблем, – усмехнулся в ответ Рэй. – Только Теренс, скорее всего, какое-то время появляться здесь не будет.

– Что случилось? – деланно удивился Лекс.

– Его ранили, причём серьёзно.

– Какая трагедия, – без особого сожаления произнёс бармен и продолжил протирать бокалы.

– Слушай, Лекс, у меня к тебе просьба.

– Я тебя слушаю.

– Можешь сказать, где находится ресторан «Британс делишес»?

Лекс ненадолго задумался.

– Парк-авеню, четвёртый дом, – уверенно сказал бармен. – Недалеко отсюда, минут двадцать пешком. А тебе на кой туда? Ваша братия, вроде как, с британцами не ладит.

– Встреча назначена с одним итальянцем, – облегчённо ответил Рэй. Почему-то он был уверен, что Лекс сказал правду. Да и зачем ему врать? Бармену гораздо проще было просто отказаться говорить. Рэй был рад, что Лекс сказал ему адрес. Значит, вражды между ними не было.

– Ого, – в этот раз бармен действительно удивился. – Это значит, что ваша войнушка, наконец, прекратится?

– Если бы я знал, – пожал плечами ирландец. – Надеюсь, что человек Бользано будет трезво оценивать ситуацию.

– Бользано? – вновь изумлённо переспросил Лекс. – Вы же с Кампанеллой не в ладах, разве нет?

– А ты считаешь, что с Кампанеллой можно договориться без помощи ствола и кучи патронов? – скептически ответил Рэй.

По лицу Лекса было видно, что он в общих чертах понял, чего хотят ирландцы. Но вида бармен не подавал. Он решил, что это не его дело, и вмешиваться в это ему нет никакой нужды. Всё же Рэй заметил странное выражение, промелькнувшее на лице бармена при упоминании клана Бользано. Возможно, он кого-то знал из людей крёстного отца этой семьи, но говорить об этом он наверняка откажется. Рэй решил даже не спрашивать об этом. В конце концов, он уже достаточно «злоупотребил» добротой Лекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.